

ЭЛЬМИРА АЛЕЙНИКОВА

Жена вождя выходит на охоту

РОМАН

Эльмира Алейникова

**Жена вождя выходит
на охоту. Роман**

«Издательские решения»

Алейникова Э.

Жена вождя выходит на охоту. Роман / Э. Алейникова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907504-8

Африканские страсти переживают героиня детективной истории Ольга Оданга и её семья. Дело об убийстве посла Парагвая в резиденции в Найроби могло бы показаться обычным уголовным преступлением, не вмешайся Ольга с её амбициозным желанием расследовать этот криминальный «пустячок» и, таким образом, раскрасить свои серые будни — будни жены кенийского нефтяного магната. Но пустячок превращается в настоящую детективную историю с угрозами, шантажом и убийством.

ISBN 978-5-44-907504-8

© Алейникова Э.
© Издательские решения

Содержание

День первый	6
День второй	12
День третий	18
День четвёртый	24
День пятый	29
День шестой	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Жена вождя выходит на охоту

Роман

Эльмира Алейникова

Посвящаю эту историю мужу. Я бы никогда не решилась написать ни одной книги в своей жизни без его поддержки.

Иллюстратор Камила Акмаева

© Эльмира Алейникова, 2018

© Камила Акмаева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-7504-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День первый

Кипя от злости, вжимаю педаль газа в пол так, что машина не едет, а летит по пустынной дороге, мягко подпрыгивая на многочисленных «спящих полицейских». Ветер из открытого окна холодит разгорячённое лицо и путает и без того непослушные пряди, но и он не может помочь мне успокоиться и сбавить обороты. С остервенением крутя баранку, чтобы не попасть в глубокие выбоины, заполненные дождевой водой, матерюсь во весь голос, в очередной раз рассказывая мужу о том, что я думаю о нём, его мамочке и об этом осточертевшем дурацком городе, в котором за десять лет, что я здесь осела, так и не установили светофоры на перекрестках. Я не говорю о тех нескольких мигающих невпопад недоразумениях в центре, на которые никто никогда не обращает внимания. Ору специально на русском языке, прекрасно зная, что Джонатан не поймёт ни одного моего слова. И вообще, я не уверена, что муж меня слушает, только это не имеет никакого значения. Мне нужно просто-напросто выговориться. И для этого он подходит лучше всего. Во-первых, ни черта не понимает по-русски; во-вторых, не видит моего искажённого и красного от злости лица, так как говорим мы по телефону, подключенному к радиоприёмнику; а в-третьих, я знаю, что он не рассердится, а наоборот, придя вечером с работы, будет особенно предупредителен со мной, словно с неразумным подростком, переживающим пубертатный период. Так почему бы не поорать и не выплеснуть накопившуюся досаду? Последствий не будет, так что вперед, Ольга! И я визжу как раненый кабан, не стесняясь в выборе выражений. Вот оно – филологическое образование! Не подводит, подсовывая вовремя фразы одна другой красноречивее и витиеватее, в которых что ни ругательство, то про мать его...

Взбесилась я сегодня именно из-за неё, его матери. Заезжая утром во двор, где расположен детский сад, с близнецами Мими и Томи, первое, что я увидела на игровой площадке, была «красная гора», машущая мне обеими руками. В красном шёлковом платье и такого же цвета широкополой шляпе, разлюбимая свекровь Жанет не просто бросалась в глаза на фоне спокойной зелени сада, а приковывала взгляды. Не успела я припарковаться, как «красная гора» довольно резво для её комплекции соскочила с места и засемила навстречу, сложив густо накрашенные губы «бантиком» и широко расставив руки. На одной висела, о, боже, ярко-красная лакированная сумка. Ни дать ни взять, пожарник! Только вместо огнетушителя на руке болтается огромная торба. Мими и Томи с радостным визгом побежали к Жанет, которая, потискав и расцеловав их, сначала оставила вульгарные отпечатки помады на детских смуглых щёчках, а затем, достав платочек и послунявив его, стала усердно вытирать следы поцелуев, чем вызвала слёзы Мими, которой не понравилось, как бабка тёрла её нежную кожу. Но та уже вытаскивала из недр своей красной сумки шоколадки в блестящих обёртках. Дети, быстро похватав сладости, прильнули к своей бабуле, прекрасно зная, хитрецы, что я буду протестовать против шоколада. Стараясь не показывать вида, что злюсь, я попыталась уговорить близнецов не брать угощение с собой в группу. Они заартачились, а бабуля вступилась за них, одарив меня таким сердитым взглядом, что я почти сдалась, но, представив лимоннокислое лицо воспитательницы фрау Крюгер при виде шоколада в руках Мими и Томи, содрогнулась от ужаса и пошла на второй заход, уговаривая малышей отдать сладости мне на хранение до вечера. Дело в том, что в детском саду господствовала антисахарная политика, и фрау Крюгер, категорически запрещала детям приносить из дома сладости. В конце концов, мне удалось конфисковать сладкую контрабанду и впихнуть упирившихся детей в комнату, где у разноцветных ящичков воспитанников поджидала чопорная преподавательница с акульей улыбкой на вытянутом лице. Свекровь скромно осталась ждать меня снаружи, видимо, боясь попадаться на глаза «той вредной немке», как она окрестила воспитательницу и с которой уже успела поцапаться не один, кстати, раз.

Сделав вид, что ничего не произошло, Жанет защебетала со мной на кисвахили, прекрасно зная, что я плохо понимаю этот язык. Отвечая на все вопросы односложно и невпопад «ндио» (1), я шла к машине, мечтая только об одном – избавиться от свекровушки. Но не тут-то было! У неё были свои планы на моё время. Оказывается, мы должны пойти в торговый центр Виллач маркет, что через дорогу, чтобы там с её подругами выпить утренний кофе со свежими круасанами. Все мои попытки отговориться от посиделок не увенчались успехом. Пришлось идти в кафе и торчать там до полудня с такими же богатыми старыми бездельницами и модницами, как Жанет. Еле отбившись от целой стаи невыносимых свекровей (честное слово, все на одно лицо!), я всё же умудрилась улизнуть, наврав про маникюршу, ожидавшую меня в салоне красоты.

И теперь я высказывала мужу, не стесняясь в выражениях, всё, что думаю о Жанет и её заклятых подружках. На повороте пришлось сбавить скорость, чтобы не въехать в скривленный фонарный столб. До сих пор не могу понять, почему его вообще не уберут в другое место? В эту облупившуюся железяку с завидной частотой врежется кто-то из соседей или их гостей, но ни у кого не возникает мысли перенести помеху подальше от дороги. И об этом прокричала моему ангельски терпеливому Джонатану, чувствуя себя самой несчастной женщиной на всём белом свете. Хотя, если принять во внимание, что я в Африке, то на всём чёрном свете. К чёрту политкорректность! Да, тяжело быть белым человеком в африканской стране, особенно если твоя свекровь коренная кенийка, большая и здоровая, как десять диких буффало. Она искренне считает, что я слишком бледная, и надоедает такими невинными, на первый взгляд, вопросами, как: «Милая, ты нездорова?», «Почему ты такая изнурённая и уставшая?», «Хочешь, мы поедем на океан позагорать?», «У тебя проблемы с меланином?». Порой я готова повеситься от такой трогательной заботы.

Вырулив на неширокую улицу, ведущую к нашему дому, я притормозила, увидев не меньше десятка разнокалиберных автомобилей у парагвайского посольства. Ярко раскрашенные «минибазы» и пикапы были неуклюже припаркованы прямо на заросших травой тротуарах и не были похожи на обычные здесь посольские чёрные мерседесы с тонированными стёклами. Вопить я тут же перестала, рассматривая странных людей, столпившихся перед наглухо закрытыми воротами. Ещё утром вокруг посольства были тишь да благодать. И только было я сообразила, что это журналисты с камерами и микрофонами, как, быстро перебирая длинными ногами в синих туфлях на высоченных каблуках, в мою сторону рванула густо накрашенная вертлявая девица. Пока она бежала, я успела рассмотреть её наряд. Репортер была одета по последней африканской моде: светло-зелёные облегающие джинсы заканчивались синими туфлями, которые больше подошли бы для вечеринки, но никак не для беганья по старому тротуару; белая коротенькая маечка с глубоким декольте, из которой знойно просились наружу пышные чёрные дыни-груди, чуть ли не лопалась на швах; на голове красовался парик с пышными локонами цвета свежей ржавчины. Вдруг рука с длинными, ярко-красными акриловыми ногтями всунула мне под нос микрофон и только затем раздался грудной голос журналистки: «Как вы думаете, кто убил госпожу посла?». До меня не сразу дошло, о чём спрашивает девушка, тыча микрофоном в лицо. Вырвал меня из оцепенения муж, удивлённо воскликнувший из динамика: «Кто это там, Ольга?». Журналистка, не ожидавшая услышать мужской голос в салоне, где я была в полном одиночестве, взвизгнула и отступила на шаг, упершись спиной в камеру оператора. Воспользовавшись моментом, я нажала на педаль газа и рванула к своим воротам, где меня уже ждал охранник.

На английском языке успокоила Джонатана, что паркуюсь во дворе и позволю ему как только сама пойму, что происходит на нашей сонной улице. Затем отключила телефон иглянула на охранника Сильвано в зеркало заднего вида. Тот нетерпеливо приплясывал на месте, ожидая мои расспросы. Как только я захлопнула дверцу и повернулась к нему, вопросительно приподняв брови, Сильвано, не дав мне и рта раскрыть, быстро заговорил:

– Мадам, парагвайского посла убили! Помните, я вам говорил, что у них новый посол-женщина приехала вчера в резиденцию из гостиницы? Так вот, её убили сегодня ночью! Задушили! Можете себе такое представить? Залезли к ней в спальню и задушили! Куском провода! Её нашли прямо в кровати утром с вывалившимся языком...

Я не дала ему договорить:

– Ужас! Кто тебе сказал?

– Их охранник утром, пока полиция ещё не приехала, рассказал мне. Я как раз ехал на велосипеде к нам, смотрю, ворота у них нараспашку, охрана и прислуга на улице стоит. Я остановился, а они мне...

Мне пришлось снова перебить Сильвано:

– Полиция приехала значит? Что говорят полицейские?

– Они приехали, закрыли ворота и никого не пускают и не выпускают.

– А когда журналисты успели приехать? Я никого утром не видела.

И вправду, выезжая с детьми утром, я не заметила ничего подозрительного на нашей улице.

– Журналисты с телевидения примчались до полиции, даже хотели на виллу пробраться, но охранники не пустили их. А потом полиция всё заперла, журналистов выпроводила, пообещав, что с ними поговорит сам начальник полиции города. Он, говорят, скоро будет. Они у меня хотели взять интервью, но я же ночью не дежурил, потому им и говорю...

Кажется, придётся снова перебить нашего говорливого Сильвано.

– Хорошо. А журналисты как разнюхали про смерть посла? Ты им позвонил?

– Что вы, мадам! Это всё домработница и повариха посла. Они при мне звонили в разные газеты, на телевидение и рассказывали про убийство. Я ещё удивился, зачем они им сообщают? Это же работа полицейских, а не прислуги. Даже спросил, а эта вредная Катрин как заорёт на меня: «Не твоё дело! Чего свой длинный кикуйский (2) нос суёшь не в свои дела!». Такая психопатка она в последнее время.

Покивав для приличия какое-то время, чтобы Сильвано выговорился, я ушла в дом, чтобы переварить ошеломляющие новости. Такого на нашей улице ещё не случалось. Заварив крепкий кофе, и усевшись с дымящейся кружкой на любимый оранжевый диванчик у окна в сад, я размышляла над словами Сильвано. Получается, что убийство произошло на соседней вилле, а мы ничего не слышали. Вот так сюрприз! Настроение приподнялось. Люблю детективы, а тут прямо под носом происходит настоящее убийство. И, хотя мне было жалко погибшую женщину-посла, однако природное любопытство взяло верх над состраданием. Схватив блокнот, набросала примерный план посольства и резиденции, расположившихся под одной крышей. Раньше, перед тем, как парагвайцы арендовали эту виллу, там жила семья богатых кенийцев. Я дружила с дочерью хозяина дома Синтией и бывала в их доме не раз, поэтому вычислить, где могла быть спальня посла не составило особого труда. Это могла быть только верхняя комната, где спал отец Синтии. Попозже позвоню подруге. Вероятно, она уже знает, что случилось в их доме. А пока нужно рассказать всё мужу. Позабыв, что полчаса назад считала себя самой несчастной в мире женщиной и орала на бедного Джонатана благим матом, набрала его номер и как ни в чём не бывало доложила последние новости, по ходу высказывая свои догадки о том, кому нужно было убивать только что приехавшего в Кению дипломата. Муж внимательно выслушал меня и посоветовал посмотреть в Интернете новости об инциденте, прежде чем делать какие-то выводы. «Просто так послов не душат, – подытожил он. – Детей заберу сегодня сам, отдыхай, дорогая. Мама, наверное, достала тебя с утра. Или, – помолчал Джонатан, – начни своё расследование. Ты же любишь детективы?». Словно мысли мои читает и желания угадывает. Конечно, я хочу расследовать смерть несостоявшейся соседки по вилле. Ещё как хочу. Не удержавшись, позвонила на мобильный телефон свекрови, чтобы

сообщить и ей о событиях. Та, затаив дыхание, сначала жадно слушала, но на моё «Представляете? Вот дела!», воскликнула в присущей ей приказной манере:

– Ольга, сейчас же запри двери на все замки! Скажи Джейн, чтобы не открывала двери никому. Ты слышишь? Никому! Боже мой! Так вот и любого могут прибить среди бела дня!

Я попыталась успокоить разбушевавшуюся мамулю:

– Убили её, говорят, ночью. Сейчас там полно полицейских. Чего бояться?

– А я тебе говорю, закройте! Вдруг убийца перелез через забор и прячется в вашем саду, а? А у вас дети! Куда катится этот проклятый мир! Людей убивают в собственной постели!

– Так дети же в садике, – всё же удалось вставить реплику.

– А ты? Если тебя убьёт этот маньяк? Ты хочешь оставить деток сиротами? Бедные Томи и Мими! Я всегда говорила Джонатану, что ты должна быть осторожнее в этой стране. Это тебе не твоя... Как называется твоя страна? Господи, я вечно забываю название твоей страны. Это так сложно выговорить. Чего-то там со «станом» в конце названия. Афганистан? Пакистан? Ольга, почему ты молчишь? Ты жива, Ольга! – взвилась свекровь.

– Узбекистан. А мой город называется Ташкент, – успела ответить, не уверенная, что меня на том конце услышали и поняли.

– Вот я и говорю тебе столько лет, что здесь бедная Кения, а не твой этот, ну, ты поняла, твой спокойный город. Видишь, что происходит в Найроби? Убивают уже дипломатов среди бела дня!

Она повозмушалась ещё немного, затем, попросившись, отключилась. Видимо, сейчас будет обзванивать всех своих подружек и делиться свеженькой новостью. Я же, положив ноутбук на колени, зарылась в парагвайских сайтах, пытаюсь отыскать хотя бы что-то полезное о посольстве их страны в Найроби. Телевизор тоже включила на всякий случай. Раз муж милостиво разрешил провести моё личное расследование ради забавы, то не следует упускать такой возможности.

В обед на одном из местных каналов показали сюжет, который вела та самая девица в зелёных штанишках и синих вечерних туфлях. Рядом с ней важно стояли две дородные тётки в розовой униформе и белоснежных передниках – домработница и повариха из резиденции парагвайского посла, догадалась я. Ничего нового они не сообщили, жеманясь и выдавливая из себя слова, всем видом давая понять зрителям и журналистке, что они не болтливая уличная шантрапа, а важные дамы при деле, не привыкшие точить лясы запросто так. Начальник полиции Найроби тоже не пролил света на преступление, отделившись от прессы общими словами. Правда, озвучил имя потерпевшей. «Парагвайский посол, пятидесятипятилетняя Хельга Эльсеке проработала на посту меньше двух недель. Она была прислана из столицы Парагвая Асунсьона на смену старому послу, которого отозвали после семилетней службы назад. Как только у нас будут имена преступников, мы публично объявим их на пресс-конференции. В интересах следствия, я не могу вам больше ничего сказать», – браво отрапортовал полицейский босс. «Бла, бла, бла, бла, бла», – передразнила я напыщенного полицейского, вырядившегося ради телевидения в форму цвета хаки, фуражку с высоким околышем и солнцезащитные очки. Просмотрев новости, снова углубилась в Интернет. Через два часа сидения за компьютером я знала о Парагвае многое, включая иерархию в министерстве иностранных дел. Даже нашла короткую информацию о бедной Хельге Эльсеке. Ощущая себя сыщиком, как великий Пуаро из романов Агаты Кристи, выписала на листочек имена и должности всех чиновников посольства в Найроби, не зная ещё точно как можно будет с ними встретиться и поговорить. Звонить в посольство не имело смысла, а вот попросить Сильвано узнавать новости у охраны и сообщать мне, нужно было прямо сейчас. Решила привлечь и нашу домработницу Джейн к делу, которая, делая вид, что протирает пыль с девственно чистого стола, пялилась вместе со мной в экран телевизора, удивленно цокая языком. Дав ей задание вечером порасспросить прислугу посольства об убийстве, я принялась за ужин.

«Расследование – это, конечно, интересно, Ольга Аброровна, но ужин – святое, – ворчала я на себя, закидывая хороший кусок замороженной баранины в микроволновку. – Вы бы, дорогая моя, больше о семье думали, а не о детективчиках! Ишь вы какая умная! Всё бы вам шарады разгадывать да в Шерлока Холмса играть! А семья, значит, побоку?». Закончив сеанс самобичевания и разморозив мясо, я с головой ушла в приготовление дамламы (3), напрочь забыв об убийстве.

С самой верхней полки кухонного шкафа осторожно сняла казан, который привезла с собой из Ташкента в первый же год замужества, и обтёрла его полотенцем. Затем налила немного подсолнечного масла, чтобы только закрыть дно казана, и поставила посудину на огонь. Кулинарное колдовство, которое я люблю даже больше детективов, началось. Джейн, прибиравшая большую комнату, всё бросила и прибежала на запах масла. Достав блокнотик с миниатюрной ручкой из кармана фартука, она приготовилась записывать рецепт нового для неё блюда.

С недавних пор наша молодая домработница решила, что её призвание заключается не в мытье полов и чистке ванны, а в кулинарии. Мы с мужем, поощряя её интерес к готовке, отправили Джейн на курсы поваров, откуда через три месяца она вернулась с дипломом и книгой рецептов итальянских блюд. Не знаю почему, но в местной кулинарной академии студентов учили варить исключительно спагетти и макароны, а на десерт взбивать крем-брюле, которое я на дух не переношу. Повесив глянцевый диплом, влетевший нам в копеечку, на стену в комнате Джейн, я принялась учить её тому, что уже умею и тому, что вычитывала в кулинарных книгах. И, нужно сказать, довольно преуспела на поприще учителя. Теперь Джейн виртуозно лепит сибирские пельмени, жарит татарские беляши и варит украинский борщ. А недавно я научила её варить узбекский плов. Джонатан даже пошутил, что мы с ней на пару должны открыть ресторан советской кухни, но меня эта идея пока не прельщает, чего не скажешь о домработнице, мечтающей в один прекрасный день стать владелицей забегаловки для водителей маршрутных такси.

– Дамламу нужно укладывать в казан быстро, – умничаю перед Джейн, бросая на сочные куски баранины порезанные кольцами лук и морковь.

Та кивает, строча в блокнот.

– А вот сейчас разрезаем картофель на части и аккуратно кладём его на морковь. Добавляем семена зиры (4), чёрный перец, немного красного перца для остроты вкуса и соль. Сверху выкладываем дольки помидоров и нарезанный на кусочки чеснок. Так, нарезаем крупными кусками сладкий перец и тоже бросаем в казан, потом ещё помидоры. Смотри, последним слоем укладываем крупные куски капусты и измельчённый укроп, а на них снова специи. Вот и всё, – попытожила я, накрывая крышкой полный до краёв казан.

– Готово? – удивляется Джейн и, не веря своим глазам, смотрит через моё плечо на плиту. – Уже можно подавать на стол?

– Готовится дамлама больше часа. Там же сырое мясо! – пришел мой черёд удивляться её недогадливости.

– Ха, уже не сырое. Варится ровно пятнадцать минут, я засекала время, – не сдаётся домработница. И добавляет со знанием дела:

– Масаи (5) мясо вообще пять минут жарят на огне. Говорят, вкусно.

– Говорят, в Москве кур доят, – бурчу на русском языке.

– Невкусно? – по своему понимает меня Джейн.

– Жесткое барбекю у масаи получается. Не разжуёшь, – добавляю на английском языке и убавляю огонь под казаном. – Только не вздумай поднимать крышку, Джейн. Дамлама всё время готовится под закрытой крышкой. Окей?

– Понятное дело, как плов, – небрежно бросает моя ученица и уплывает в комнату танцующей походкой.

После ужина, уложив детей спать и оставшись с Джонатаном наедине, я осторожно поинтересовалась, сможет ли он помочь мне связаться с сыщиком, который расследует смерть парагвайского посла. Хмыкнув и поцеловав меня в макушку, мой всеильный муж снисходительно пообещал похлопотать перед нужными людьми, чтобы они представили меня нужному человеку. Всё-таки люблю я моего африканского белозубого вождя и нисколько не жалею, что выскочила за него замуж вопреки протестам многочисленной ташкентской родни, ужаснувшейся моему смелому решению десять лет назад уехать из родного дома в далекую Кению, где, по их мнению, люди разгуливают по саванне в львиных шкурах и охотятся с камнями в руках на диких обезьян. Наивные. Мой белозубый вождь не сидит в шалаше из банановых листьев, а качает нефть самым современным оборудованием, и живём мы в огромном трёхэтажном доме, где может поместиться вся моя ташкентская родня, если вдруг, конечно, решит навестить нас.

День второй

Утро пролетело в привычной суете. Томи категорически не желал ехать в детский сад, где вчера подрался со своим приятелем. Мими отказывалась есть рисовую кашу и блины, страстно доказывая, что от калорийной пищи (где только слов таких набралась шмакодявка трехлетняя?) женщины жутко толстеют. Мой дорогой Джонатан, закрывшись от нас утренней газетой, поглощал любимые им блинчики, капая масло куда попадая, а Джейн металась между столом и плитой с горячей сковородой. Я пыталась одновременно: уговорить Томи сходить ещё один день в садик; убедить Мими позавтракать хотя бы фруктами; подложить салфетку мужу, чтобы не пришлось ему переодеваться; и следить, чтобы Джейн не обожгла кого-нибудь раскалённой сковородой. Не было и минутки, чтобы расспросить домработницу и Сильвано о новостях на соседнем участке. Только сдав детей чопорной фрау Крюгер, сделав покупки в супермаркете и выпив чашечку любимого капучино в маленьком кафе на заправочной станции, я остыла от утреннего марафона и сосредоточилась на расследовании, которое так толком и не начала, хотя все знаменитые сыщики в один голос твердят, что нужно искать убийцу по горячим следам. Куда мне?! Эх, это только кажется со стороны, что жизнь жены обеспеченного человека – сплошное развлечение. Как бы не так! Забот у нашей сестры-африканки невпроворот. Мало того, что нужно быть примерной матерью, женой и снохой, следить за порядком в огромном доме, оплачивать многочисленные счета и руководить помощниками – домработницей, садовником, охранниками, садовым дизайнером, парикмахером для собак, мойщиками окон и ковров, водителем, сантехниками и многими другими специалистами узкого профиля – так ещё необходимо делать покупки чуть ли не каждый божий день и принимать по выходным толпы гостей. Стыдно сказать, времени сделать маникюр порой нет. Всё бегом и бегом. Иногда завидую работающим женщинам, – у них есть офисное время посплетничать и спокойно выпить кофе. Пять дней в неделю они могут позволить себе отрешиться от домашних забот и быть свободными личностями. Даже у моей домработницы Джейн больше свободного времени, чем у меня. Я же кручусь как белка в колесе без выходных и каникул.

Ладно, Ольга Аброровна, одёрнула себя строго, хватит жаловаться на жизнь. Пора приступить к делу. В этот момент зазвонил мобильник, и Джонатан промурлыкал: «Дорогая, бросай всё и мчись в полицейское управление. На проходной назовёшь своё имя и тебя проведут сразу же к твоему новому начальнику. Ты у нас теперь юрист-практикантка. Смотри, не проколись. Если возникнут проблемы, сразу же звони мне. Люблю и желаю хорошо поразвлечься!». Не помня себя от радости, бросила на стол двести шиллингов за кофе и понеслась к стоянке, где был припаркован мой серебристый Ланд круизер.

Часы показывали всего одиннадцать утра, а я уже отвезла покупки домой, поговорила с моими домашними агентами, сделав краткие записи в блокноте, переделалась в серый брючный костюм, в каких в Найроби обычно щеголяют местные бизнесвумен, и теперь важно сидела в кабинете следователя мистера Мбугуа. Было видно, что моё присутствие вызывает у него противоречивые чувства. С одной стороны, ему, конечно, льстило побыть хотя бы на время боссом молодой и симпатичной мзунгу (б), у которой влиятельные и богатые родственники, известные на всю страну. Но, с другой стороны, его, видимо, раздражала мысль о том, что кто-то лезет в его работу и диктует, кого брать в ассистенты. Тем более, мой муж-вождь договорился с большими начальниками, один из которых, кстати, его родной дядя, о моём назначении помощницей-практиканткой следователя за спиной бедного сыщика. Получалось, что меня спустили сверху в приказном порядке. А какому гордому африканскому полицейскому такое придётся по вкусу? Вот и нервничает он, изучая «штучку заграничную» исподлобья. Хотя я замужем за кенийцем десять лет и живу в этой стране почти безвылазно, однако всё равно для многих остаюсь заморской барышней. Вот и на лице мистера Мбугуа было отчётливо написано:

«Делать бездельнице богатой нечего, вот и придумала себе забаву, а мне головную боль. И что мне с тобой делать теперь, безумная мзунгу?». Стараясь сгладить ситуацию и завоевать доверие начальника, я улыбнулась и защебетала, вложив в голос как можно больше мёда:

– Мистер Мбугуа, боюсь, вам мои услуги особо и не понадобятся. В управлении говорят, что вы самый лучший следователь и умеете разгадывать такие загадки, которые не по зубам даже английским полицейским.

Мой собеседник непроизвольно выпрямился за столом и крикнул. Что ни говори, а лондонские бобби до сих пор остаются в этой стране образцом лучшего полицейского. Сколько лет прошло со дня, как Кения объявлена независимой от Великобритании страной, но всё английское до сих пор считается лучшим. Меня же несло. Закатив глазки, как лиса из басни Крылова, продолжала льстить:

– Что поделаешь? Буду вам кофе варить и бутерброды готовить. Хотя, я так мечтала пройти практику именно у вас, перенять ваш бесценный опыт, ваши приёмы работы, может, даже секреты. Но, как говорится, не судьба, – грустно подытожила, притворно вздохнув.

Если бы я не знала, что кенийцы-мужчины стареют очень медленно, но всё же стареют, то дала бы следователю от силы лет сорок, только опыт подсказывал, что мистеру Мбугуа под шестьдесят. Наголо обрита голова вспотела и блестела как отполированная. Так и хотелось протянуть руку и потрогать его лысину, чтобы убедиться, что под пальцами обычная кожа пожилого дядьки, а не коричневая скорлупа огромного ореха макадамии (7). С трудом оторвав взгляд от головы, посмотрела прямо в лицо сыщику и попыталась понять, проняли его мои панегирики или нет. Сложно читать чужие мысли, плохо зная человека, но, по-моему, дяденька перестал сердиться.

– Раз уж нам придётся вместе работать, мадам Оданга, то зовите меня просто Питер.

– А вы меня просто Ольга, – расплываюсь в искренней улыбке, счастливая, что сыщик всё же смирился с мыслью иметь при себе богатую бездельницу.

– Когда вы приступите к работе? – уже по-деловому поинтересовался Питер.

– Разве я уже не работаю? – пошутила, доставая заветный блокнот из сумки.

Впервые за время нашего разговора мой босс улыбнулся и предложил для начала сходить в кафе на втором этаже и выпить по кружке чёрного чая с молоком и свежими мандази (8), а потом приниматься за работу. А и вправду, куда нам спешить с Питером? Это сыщики в фильмах бегут по горячим следам преступника как свора гончих. У нас же в Африке спешить не солидно. Вот чайком побалуемся и будет видно, кого ловить и где. И вообще, нужно ли ловить? Смотришь, сам попадётся убийца бедной Хельги Эльсеке.

Как ни странно, в резиденцию парагвайского посла сегодня мы не поехали, оставаясь в управлении весь день оформлять документы. Группа следователей под руководством Питера заполняла всякие бланки на компьютерах, сбрасывая потом распечатанные бумаги на мой стол. Расфасовывая вчерашние протоколы допросов, отчёты следователей и криминалиста в толстые чёрные папки, я, естественно, читала каждый документ, делая по ходу заметки в блокноте. Поначалу Мбугуа не обращал внимания на то, что я строчу в заветную книжицу, но к концу дня всё же поинтересовался, заглянув в записи через моё плечо. Конечно, ничего прочитать он не смог. Ха, я же не глупышка, чтобы описывать ход моего личного расследования на английском языке! А русским языком, слава африканским богам, Питер не владел, так что я мило проворковала на его немой вопрос, что делаю пометки, чтобы не забыть куда какой документ подшила. Кажется, он не очень и поверил, однако углубляться в расспросы не стал, сделав вид, что потерял интерес к блокноту. Только меня не проведёшь! Поэтому, улучив момент, когда босс вышел из кабинета, я спрятала записную книжку в сумку. Не хотелось раньше времени раскрывать карты и говорить о том, что я успела нарыть со вчерашнего дня самостоятельно. И потом, ради чего я должна отдавать лавры победителя кенийскому следаку? А в то, что именно я раскрою убийство посла, я уже не сомневалась, – разгадка лежала на самой поверх-

ности. Я это чувствовала. Оставалось проверить некоторые факты, что я и намеревалась сделать с помощью полиции в ближайшие дни.

После обеда я засобиралась. Сегодня мы ужинали у свекрови. Муж с детьми приедут прямо из школы, а мне предстояло преодолеть полгорода по жутким пробкам на узких дорогах, чтобы заехать домой переодеться. Не пойду же я на ужин в офисном костюме? Да меня Жанет съест за такой непрезентабельный вид! Её сноха должна быть одета только в самое шикарное. Конечно, в её понимании шикарным было самое дорогое от самых известных домов моды. В первую же нашу встречу до свадьбы, она решила, что мне безумно идут дорогие мини-платья от западных кутюрье. С тех пор обтягивающие тело, словно змеиная шкурка, чёрные, синие, голубые платья пополняли мой гардероб с завидной постоянностью. Жанет покупала их при каждой возможности, тратя бешеные деньги и гордясь собой. Согласно, не каждая сноха может похвастаться такой щедрой свекровью. И мне тоже нравятся эти платья, только не на мне. Поэтому я их надеваю по особым случаям, чтобы порадовать вторую мамулю. Не самая удобная одежда, но что не сделает восточная женщина, воспитанная в ташкентской махалле (9), ради того, чтобы угодить свекровушке?

Прощаясь с Питером, я чувствовала себя дезертиром, потому как ни он, ни остальные члены команды не собирались уходить с работы, зарывшись в бумаги или уставившись в экраны компьютеров. Но в то же время я понимала, что ничего нового сегодня я уже не узнаю, а те факты, что попали в мои руки, нужно было хорошенько обдумать и осмыслить. Подавив чувство вины, решительно попрощалась, не забыв поинтересоваться планами босса на завтра. Уж очень мне хотелось попасть в резиденцию посла, которая стояла опечатанной второй день. Но Питер снова разочаровал. Оказывается, всё самое важное на вилле они уже сделали и теперь оставалось вести допросы и протоколировать их здесь, в управлении. Что ж, послушать кое-кого не мешало бы, особенно меня интересовали домработница и повар покойного посла, ведущие, на мой взгляд, свою игру в этом деле. Дам нужно было расспросить не только об Эльсеке, но и о старом после, которого именно эти две кумушки вынудили подать в отставку и срочно улететь в Парагвай. Но об этом завтра, Ольга Аброровна. Сейчас нужно думать только об ужине у Жанет и моём наряде. «Сделав ручкой» новым коллегам и боссу, я побежала в регистратуру за временным удостоверением, а оттуда к парковке.

Гости расположились в саду, устроившись в шезлонгах и на низких диванчиках, расставленных под навесом, опоясывающим огромный двухэтажный дом родителей Джонатана. Построенный в колониальном стиле, дом был покрыт красной черепицей, а стены выкрашены в белый цвет, что делало его величественным. Никаких новомодных розового и салатового цвета стен, никаких шатких арок в саду, увитых цветами, никаких беседок с пластиковой мебелью внутри. Всё солидно и дорого. Классика. Конечно, если бы мой свёкр-консерватор дал волю Жанет, монолитный особняк в мгновение ока превратился бы в рождественскую игрушку, украшенную сусальным золотом, розовыми оборочками и рюшками, однако всё, что касалось оформления дома, было табу для свекрови. Так уж в их семье повелось, что отец семейства Бараса Оданга сам подбирал мебель, обустроивал дом и сад, занимался ремонтом, оставив жене кухню и её гардероб. Наверное, поэтому кухня выбивается из общего классического стиля. Она напичкана сверкающими кухонными комбайнами, соковыжималками, кофеварками, микроволновыми печками, плитами, духовками, хлебопечками и ещё бог знает каким оборудованием, которое, естественно, используется очень редко. Зато собирает пыль на свои пластиковые стенки. Повар Гилберт не только не умеет, но и не желает учиться работать с агрегатами, предпочитая резать и шинковать овощи и фрукты с помощью обычного кухонного ножа. А крем для тортов, которые он печёт виртуозно, взбивает в мгновение ока обычной вилкой, отказываясь даже от венчика. Так что кухонные полки больше похожи на музейные, храня коллекцию помощников, в которых никто здесь не нуждается. Возможно, когда-нибудь свекровь озадачится идеей открыть музей кухонных машин, вот тогда вся эта электронная

и механическая братия получит вторую жизнь, а пока, это всего лишь головная боль Гилберта, который раз в полгода снимает все машины с полок и устраивает им головомойку, намыливая покрывшиеся тонким слоем кухонного жира бока агрегатов смесью моющего средства для посуды и обычной чайной соды.

Сегодня Гилберту, кажется, нездоровилось. Я это заметила сразу же, как вошла на кухню за чистыми стаканами. Старый повар не улыбнулся, как обычно, а лишь коротко ответил на моё приветствие, продолжая помешивать суп в кастрюле. Второй рукой он оперся о горячую плиту, не чувствуя исходящего жара. Мне показалось, что он вот-вот упадёт.

– Мээ (10), вам плохо? – спросила осторожно.

– Всё нормально, мадам, только что-то у меня под левой лопаткой болит. Словно кто-то воткнул иглу туда и крутит.

Не дав ему договорить и не слушая возражений, усадила повара на стул и налила воды в стакан, запретив двигаться. Сама же, убавив огонь под кастрюлей с супом, вышла в сад, чтобы найти мужа. Старика нужно было срочно везти к врачу, не иначе как у него сердце прихватило. Стараясь не показывать гостям и Жанет, что обеспокоена, улыбаясь, отвела в сторонку Джонатана и попросила решить с отцом, кто повезёт Гилберта в больницу. К счастью, старший Оданга как раз шёл в дом. Поняв всё с первой фразы, свёкор решил ехать в больницу самолично, отдав распоряжение Джонатану и своему водителю, усадить Гилберта в машину так, чтобы старика не сильно трясло по дороге. Как только чёрный мерседес свекра вырулил из ворот, мы с мужем вернулись на кухню. Повязав огромный фартук Гилберта вокруг талии, я принялась доваривать ужин, попросив Джонатана прислать домработницу на подмогу. Уже сидя в отъезжающей машине, Гилберт продолжал давать мне наставления, как сервировать стол и что за чем подавать на ужин, так что я нисколько не волновалась, уверенная, что ужин будет, как всегда, на высоте.

Вместо домработницы на кухню влетела, если так можно выразиться об огромной Жанет, свекровь и, плюхнувшись на стул, запричитала, хлопая себя по пухлым коленям. Поначалу я искренне удивилась, решив, что она переживает за бедного Гилберта, но уже со второго выкрика поняла, что Жанет убивается не по повару, а по ужину. Всунув ей в руки стакан с водой, я уверенно сказала:

– Мама, ужин будет даже лучше, чем обычно. Не волнуйтесь. Ваши подружки сначала проглотят языки, попробовав куриный бульон с домашней лапшой, а потом и вовсе умрут от зависти, отведав запеченную баранью ножку под чесночным соусом с розмарином и тимьяном. Если кто из них и доживёт до десерта, то они просто повесятся от райского наслаждения, только увидев «Тирамису».

– А салаты? Гилберт приготовил салаты? – свекровь всё ещё была готова разрыдаться, хотя мои слова о подругах ей явно понравились.

– Три вида салатов уже на столе. Сейчас я перелью бульон в супницу и можно будет звать гостей, – я старалась говорить чётко и отрывисто, чтобы не дать Жанет ни малейшей возможности устроить истерику.

– А белое вино?

– Мама, к бараньей ноге мы подадим красное вино. А на десерт ликёр.

– Но я хочу белое вино! Холодное белое вино! Неужели никто не догадался поставить пару бутылок в холодильник? – Жанет не теряла надежды устроить показательный концерт.

Широко распахнув дверцу холодильника, я показала выстроившиеся на полке бутылки, среди которых было и белое южноафриканское вино.

Увидев батарею из слегка запотевших бутылок, свекровь мгновенно успокоилась и, как ни в чем не бывало, спросила:

– Ольга, что там у вас слышно про убийство посла? Нашли убийцу?

Я чуть не выронила половник из рук. Никак не могу привыкнуть к резким сменам настроения Жанет, вот и сейчас она меня застала врасплох своим вопросом.

– Кажется, никого ещё не поймали, – а сама подумала, что незачем посвящать свекровь в моё личное расследование.

– Ольга, только ты никому не говори, но я точно знаю, кто её убил, – таинственным шёпотом продолжила Жанет, снова удивив меня.

Отложив в сторону половник, с помощью которого я переливала суп из кастрюли в фарфоровую супницу, внимательно посмотрела на свекровь, стараясь понять, шутит она или говорит серьёзно.

– Да, да. Я хочу завтра позвонить брату Борасы и сказать ему, что всё знаю, – она кивала в такт своим словам, тряся подбородком.

– И кто же убийца? – выдавила я из себя, еле сдержав смех, представив вытянувшееся лицо дяди Виктора, который только сегодня пристроил меня «практиканткой» в следственную группу, а завтра узнает от жены брата ещё и имя убийцы. Да уж, наше почтенное семейство бизнесменов превращается в доморощенных пинкертонов.

– Разве это не ясно? Конечно же, любовник! Кого могла женщина впустить ночью в дом? Только возлюбленного!

– И вы знаете его имя? – я слегка засомневалась в моей версии смерти посла Эльсеке.

– Откуда, милая, я могу знать такие детали?! – воскликнула Жанет. – Но я твёрдо убеждена, что это служащий посольства. Молодой и импозантный мужчина. Ох, посол была примерно моего возраста, а в этом возрасте, дорогая, нам нравятся мужчины средних лет с огоньком в глазах, горячие, необузданные мачо, способные на безумные поступки, ревнивые как сотня буффало...

В этот момент я увидела мужа, стоящего в дверях кухни с пустыми бутылками из-под пива, и ляпнула первое, что пришло на ум:

– И мне тоже понравился этот фильм, мама!

– А причём тут... – Жанет тоже заметила Джонатана. – Да, там такой актёр был, ну, я его уже описала тебе, в которого были влюблены все дамы в городе. Только я не помню названия фильма. Ты не знаешь, Джонатан, как называется мексиканский сериал, где играет такой красивый мачо с горящими глазами? – обратилась мать к сыну с самым невинным видом.

Джонатан, достав из холодильника несколько новых бутылок пива, мотнул головой и, хитро улыбаясь, ушел назад в сад, не забыв подмигнуть мне.

– Ой, надеюсь, мальчик ничего не понял, – свекровь была смущена. – Так ты считаешь, я обязана позвонить деверю и рассказать ему о моих соображениях?

Я как раз пробовала суп и чуть не обожглась. Теперь, оказывается, я убеждаю Жанет звонить в полицию. Откуда же берутся такие женщины как моя свекровь, интересно? Просто уму непостижима их логика, если она вообще у них есть.

– Мама, я бы не стала никому звонить. Думаю, следователи и сами разберутся в ситуации, – я нагло лицемерила, убеждённая в душе, что кенийская полиция не сможет без меня разгадать ребус с убийством парагвайского посла.

– Да? Ты так полагаешь? Ты права, Ольга. Несolidно женщине моего положения заниматься такой ерундой, – и тут же, позабыв о парагвайском после, продолжила:

– Ах, пора звать гостей к столу. У тебя всё готово? – и упорхнула инопланетной бабочкой из кухни, оставив меня в одиночестве заниматься ужином.

Поставив супницу на край стола, я вспомнила об укропе и чуть ли не бегом вернулась на кухню, где застала Джонатана за поджариванием тостов. Он так ловко подхватывал выскакивающие из тостера ломти горячего хлеба и вставлял новые, что я невольно залюбовалась им. Высокий, стройный красавчик Джонатан даже за таким простым занятием выглядел как юный Аполлон, убивающий змея Пифона, – ни одного лишнего движения. Боже, как же я люблю

этого мужчину! Не в силах устоять перед искушением, подлетела к мужу и обвила руками его талию, прижавшись щекой к сильной спине. А он как ни в чём не бывало продолжал жарить тосты, не забыв положить одну руку на моё бедро. Втянув в себя исходящий от Джонатана родной запах из смеси дорогого одеколona, пота и глаженной рубашки, я пожалела, что мы не дома и непроизвольно вздохнула.

День третий

Допрос поварихи и горничной Питер проводил самолично. Не знаю точно, на какое время он их вызвал, но, когда я утром входила в управление, кумушки уже чинно сидели на облезлой скамейке перед зданием, положив на колени свои блестящие сумочки с золотистыми пряжками и многочисленными заклёпками. Прежде, чем ответить на моё приветствие, они удивлённо переглянулись, узнав во мне соседку, и только после этого хором ответили: «Мзури сана! Асанте, мадам!» (11). Я же, поправив сползающие с маленького носа модные солнцезащитные очки «а-ля тетушка Тортилла», важно прошествовала внутрь, небрежно показав охраннику новенькое удостоверение. Представляю, о чём свидетельницы шептались! Наверное, пытались вспомнить хоть что-то, что бы объясняло моё появление здесь да ещё со служебными корочками. Уверена, от Джейн они знают о нашей семье достаточно, только о моей афере и не догадываются, ведь Джонатан и его дядя делиться новостями с прислугой не станут ни за что.

Живя на виллах, окруженных высокими заборами с железными воротами, мы полагаем, что умело скрываем личную жизнь от посторонних глаз. Возможно, так оно и есть, когда дело касается семьи и друзей. Но домработницы, садовники, водители и охранники со всей улицы знают о нас всё или почти всё, передавая новости по-сарафанному радио. Наивно полагать, что соседские работницы и Джейн не сплетничают, встретившись на улице. И одна из важнейших тем для разговоров – хозяйева вилл, где они служат. Это уж как два пальца об асфальт, как говорит мой старый приятель из Ташкента. В оригинале поговорка звучит вульгарнее, но смысл тот же. Так что, дорогие соседи, живем мы с вами в крепостях, но как на ладони, осуждаемые или одобряемые нашими работниками.

...Питер поднял глаза от раскрытой папки и уставился на повариху из резиденции парагвайского посла. Катрин заёрзала на привинченном к полу стуле, нервно поправляя идеально сидевшее на её крупном красивом теле цветастое платье. Она попыталась избежать взгляда следователя, поворачиваясь то к нам, то к двери, но долго не протянула и резко подняла голову, выпятив круглый подбородок, и напустив на себя надменный вид. Питер молчал, но молчание его было тяжёлым и грозным. Я мысленно поежилась, благодаря бога, что не сижу на месте поварихи. Молодой следователь Гарри осторожно перелистнул страницу в лежащей перед ним папке. Сражение глазами, кажется, продолжалось целую вечность. Вдруг, ни с того ни с сего свидетельница зашлась в лающем сухом кашле да так сильно, что легла на стол грудью. Я было встала, чтобы принести стакан воды, но Питер повернулся в мою сторону и буквально пригвоздил меня к стулу сердитым взглядом. Гарри потянул меня за руку вниз и я, ничего не понимая, плюхнулась на жёсткое сиденье. Тут же услышала торопливый шёпот соседа: «Не двигайся. Питер не любит, когда во время допросов кто-то мельтешит. У него такая тактика особенная – давить на свидетелей мёртвой тишиной». Не отводя взгляда от мучающейся Катрин, я неуверенно кивнула, кипя от негодования. Но, помня наставления Джонатана ни во что не вмешиваться, с трудом подавила желание выскочить из тесной комнаты для допросов и принести бутылку с водой и пачку салфеток бедной женщине. Кашлять она закончила так же внезапно, как и начала. Торопливо вытирая вокруг рта несвежим мужским платочком, Катрин тихо произнесла: «Астма. С детства». Питер продолжал сидеть неподвижной скалой, словно ничего не слышал. Прошло ещё минут пять, в течение которых вид свидетельницы разительно изменился. От надменности не осталось и следа. Перед свирепым следователем сидела простая испуганная женщина. Казалось, что даже её яркое платье вылиняло под жгучим взглядом полицейского, превратившись в старую хламиду.

– Но я же ничего не сделала! – не выдержала Катрин первой. – Ну, позвонила знакомому журналисту с телевидения и всё. Это же не преступление! Я же не знала, что нельзя никому говорить.

Питер всё так же сверлил глазами собеседницу, игнорируя её слова.

– Ладно, они мне заплатили за информацию. Но совсем кидого (12)! Всего-то одну тысячу шиллингов! Господи, все так делают, не я одна. И вообще, мы поделились с горничной, так что у меня в кармане осталось всего пятьсот шиллингов. И те я уже истратила на еду.

Питер хранил молчание. Тогда она повернулась в нашу сторону и умоляюще обратилась ко мне:

– Мадам, вы же меня хорошо знаете. Скажите ему, что я ничего никому плохого никогда не делала. Он думает, что я замешана в смерти госпожи посла, да? Но я ничего не знаю! Богом клянусь, детьми моими клянусь, что узнала о том, что госпожа Эльсеке мертва утром вместе со всеми остальными. Пожалуйста, скажите ему!

Мне было неловко смотреть на Катрин, но и отвернуться я не могла. Так и сидела, глупо кивая в такт её словам. Приняв мои кивки за одобрение, она продолжила уже не так жалостливо, как раньше, вертя головой и обращаясь то ко мне, то к Питеру:

– Я бы не стала звонить журналисту, если бы не нуждалась в деньгах. Зарплата у нас совсем маленькая. Одно название, что резиденция посла Парагвая, а на деле дипломаты готовы перегрызть глотку любому за каждый шиллинг. Они хуже, чем местные богачи. Ой, извините, мадам Ольга! Я не имела вас в виду. Если бы не моя астма, я бы давно уехала работать в Америку и...

Договорить Питер ей не дал, неожиданно рывкнув:

– Откуда у тебя номер телефона журналиста?

Я чуть не клацнула зубами от страха.

– В газете был напечатан... – неумело врала Катрин.

– Откуда у тебя номер телефона журналиста? – всё тем же тоном повторил вопрос следователь, двигая челюстями как створками капкана.

– Одна старая знакомая когда-то давно дала, ещё когда я устраивалась в резиденцию.

– Имя, контакты знакомой. Сейчас же.

– Я не помню, – заблеяла свидетельница, уставившись на свои пальцы, нервно теребящие грязный платочек.

– Окей. У тебя будет весь день и вся ночь, чтобы вспомнить, – невозмутимо сказал полицейский и кивнул Гарри.

– Не понимаю, что вы имеете в виду? – вскинулась Катрин. – Вы меня в тюрьму что ли хотите посадить? За что? Не имеете права! Я ничего не делала!

Гарри подошел к ней сбоку и ловко защёлкнул наручники на запястьях. Я и глазом моргнуть не успела, как он, схватив Катрин за плечо, повёл её к выходу.

– Иийй! – завизжала женщина и рванулась ко мне. – Помогите, мадам! У меня дома дети одни остались! Что они без меня будут делать?! Иийй!

Я чуть не оглохла от визга, обрушившегося на меня со всех сторон, словно осколки разбитого хрустального фужера. В ушах зазвенело. Не давая себе отчёта, бросилась к Гарри с одним желанием – отобрать ключи от наручников и освободить воющую как сирена Катрин. Но тот проворно вытолкал вопящую бабу из кабинета и захлопнул дверь прямо перед моим носом. За спиной раздался спокойный насмешливый голос босса:

– Испугалась, да? Вот поэтому я и не хотел тебя брать в группу. Вы, женщины, особенно европейские женщины, – подчеркнул Питер, – такие импульсивные и жалостливые, что с вами невозможно работать.

– Я не из Европы, а из Азии, – пробурчала и растеряно села на свое место, мысленно перенесаясь к детям бедной женщины, которые придут со школы и не дождутся сегодня матери. Никто им не приготовит угали (13) с сукумой вики (14), не сварит чая с молоком... От грустных размышлений меня оторвал противный Питер:

– Не жалею её. Я тебе попозже другой протокол покажу. Там много чего интересного про эту Катрин. И детей у неё нет, брешет она.

– Она же ими только что клялась, – всё ещё сомневаясь, произнесла я, подозрительно посмотрев на следователя. Может быть, это он и брешет, чтобы успокоить меня.

– Потому и клялась, что нет у неё никаких детей. И астмы у неё нет тоже, между прочим. Она здоровая как бык. А ты, наверное, уже себе картинку нарисовала. Голодные и оборванные дети ждут мамку на пороге убогой комнатухи в каком-нибудь из городских сламов (15), да? – и впервые за сегодняшний день засмеялся, показывая белые крепкие зубы.

Мне же было не до смеха. Не веря его словам, теперь уже я вперилась в него своими чёрными большими глазами и сухо спросила:

– Хорошо. Покажете мне документы. Но всё равно, у вас нет права сажать её в камеру. Звонок журналистам не преступление, а больше у вас ничего на неё и нет.

– О-хо-хо, – вздохнул Питер. – Конечно, нет. Но есть моя интуиция и есть некоторые детали, которые напрямую не относятся к смерти госпожи Эльсеке. Однако именно эти детали и могут быть ключом к убийству. Так-то. А давай-ка мы поговорим с горничной. Интересно, что она нам тут споёт, – босс снова устроился на стуле в позе грозной скалы. И вдруг неожиданно быстро повернулся ко мне и весело подмигнул, чтобы тут же отвернуться и насупиться как давеча перед Катрин.

Увидев Гарри с горничной, я включила диктофон и приготовилась записывать беседу. Пока переписывала данные с удостоверения личности работницы резиденции парагвайского посла (16), пальцы мелко дрожали, так и норовя выронить авторучку. Вдохнув глубоко, приказала себе не срывать и не поддаваться эмоциям. Ох, прав, видимо, этот ненормальный Питер, не женское это дело вести расследование. Если я во время беседы со свидетельницей запаниковала, то что же со мной будет, окажись я на допросе с настоящим убийцей? Наверное, зря я влезла в это дело. Мне остро захотелось оказаться сейчас дома рядом с родным и любимым Джонатаном, ненаглядными и шумными детьми, носящимися по этажам, и чтобы чашка с кофе стояла рядом на столике. Даже пританцовывающая Джейн, громко распеваящая свои любимые песни на языке кикуйю и елозившая грязной тряпкой по паркету, меня бы нисколько не раздражала в этот момент. Встряхнув аккуратно уложенные волосы, отогнала от себя картинку и сосредоточилась на работе. Как любила повторять моя бабуля, известная как знаток могучего русского языка: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». Так что вперёд, Ольга Аброва, не бойся трудностей. Где наша не пропадала! С этими придурковато-бравыми мыслями я принялась внимательно слушать беседу Питера с горничной, больше похожую на детскую игру в молчанку.

К обеду и Питер выдохся от своего «метода молчания». К моему облегчению, он не отправил горничную за решётку, позволив ей идти домой с миром. Озираясь, та быстренько улизнула из управления, даже не подумав спросить о судьбе товарки, с которой ещё утром задумчиво ворковала на скамейке. Гарри, сбросив записи бесед с диктофона на компьютер, тоже испарился, пообещав появиться к трём часам и обработать информацию. Босс перебирал бумаги на столе, задумчиво поглаживая свою и без того отполированную лысину. Как и обещал, он дал мне кое-какие документы о Катрин, которые я прочитала в один присест, поражаясь её артистическим способностям. Вот ведь выжига. Но ведь как профессионально играла передо мной, изображая больную мать-одиночку!

Солнце слегка коснулось моего лица ласковым лучиком и снова спряталось за неизвестно откуда прилетевшей чёрной тучей. Тут же подул прохладный ветер, заставив зыбко поёжиться. Живём почти на самом экваторе, а солнце с нами играет в прятки каждый день. Нет бы припечь так, чтобы кости плавилась от удовольствия, но нет же. Оно то появится, то исчезнет, словно стеснительная келинка (17) в узбекской махалле рано утром. Или ещё лучше, дождь зарядит на неделю так, что не знаешь куда деваться от сырости и промозглости вокруг, мечтая только

об одном – горячем солнышке. Вспомнилась июльская жара в Ташкенте, когда даже воздух настолько раскалён, что его можно почувствовать на теле, словно горячую липкую накидку. Не отказалась бы сейчас оказаться у мамы в гостях и повалиться на старом деревянном топчане под любимым виноградником, подставляя спину, ноги и руки под палящие лучи азиатского солнца, пробивающие себе дорогу даже сквозь плотную листву на гибких лозах. Тут кенийское солнышко снова выглянуло, и настроение мое поползло вверх, словно ртутный столбик термометра. Много ли женщине нужно для счастья? Лучик тёплого солнца, глоток свежего воздуха и ощущение защищённости от суровой жизни за широкой спиной любимого мужчины. Всё это у меня, слава африканским богам, есть.

Достав блокнот и ручку из сумки, углубилась в чтение записей, ставя птички и знаки на полях. Несмотря на то, что многое прояснилось, вопросы о том, кто убил Эльсеке и зачем, оставались открытыми. Понятно, что кто-то из сотрудников посольства стоит за всем этим, но кто конкретно? Прислуга и охранники отпадали сами собой, у каждого было алиби да и не было у них причин идти на мокрое дело. Конечно, они натворили тёмных дел с предыдущим послем, только это не повод подозревать их в убийстве, а вот того, кто ими грамотно манипулировал, нужно хорошенько потрясти. Господи, ну и словечек же я нахваталась за пару дней, сидя с копами в одном кабинете! Интересно, как же я собираюсь трясти сотрудников посольства? Вот бы превратиться в дикого бугая двухметрового, чтобы сажень в плечах и тупая морда с узким лбом. Всего на пару часиков. И пригласить на беседу секретаря посольства, который мне не понравился с первого взгляда. Чую, что именно он интриговал против предыдущего посла. Молодой, холёный, с властным взглядом. Этот мог и грохнуть начальницу новую. Пока не знаю за что, однако мог запросто придушить Эльсеке. Ох, грохнула бы я кулачищем пудовым по хлипкому столу и рявкнула: «А ну-ка, сукин сын, рассказывай, зачем ты организовал травлю старого посла! Мигом, не то я тебе тут покажу где раки зимуют!». Я тихонько рассмеялась, представив себя орущим мужиком. Громилой я не стану, конечно, а вот мистеру Мбугу подкинуть идею с секретарём могу. Главное, сделать это нужно ненавязчиво и аккуратно, чтобы Питер не заподозрил подвоха и не решил, чего доброго, что я умничаю. Быть умнее начальства в Кении считается моветоном. Впрочем, как и везде по миру. Не любят руководители шибко сообразительных подчинённых. Сами знаете почему, не так ли? Это я к тому, что недавно прочитала в Интернете фразу, гуляющую по сайтам вместе с портретом русского царя Петра Первого, который, якобы, советовал, что «подчинённый перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». Не уверена, что Петр Первый-реформатор говорил такое, но, что ни говори, есть в этом сермяжная правда.

Усидеть в саду я не могла, торопясь направить Питера по следу предполагаемого убийцы. Подкрасив губы и хлебнув минералки из пластиковой бутылки, прихваченной из кафешки, поцокала каблукками наверх, прокручивая в уме предполагаемый разговор с боссом и ругая себя за то, что нужно было сначала воды выпить, а потом уже губы красить. Вот ведь, недотёпа, такую дорогую помаду, подаренную Джонатаном, извожу. Вместо стройных фраз и тонких намёков, в голове крутилось «подчинённый перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». И как мне изобразить лихую и придурковатую помощницу перед Питером прикажете? Ладно, попробую, только важно не переборщить, а то буду выглядеть как Катрин, которую босс не то что мигом раскусил, но и посадил до утра за решётку за показательный концерт. Питер, Пётр Первый... И имена одинаковые. Чего-то я совсем не о том думаю.

Уложив детей спать и дав наставления Джейн на вечер, забежала на пару минут в гардеробную, чтобы поправить макияж и проверить как на мне сидит платье. Эластичный синий стрейч идеально облегал фигуру, а неширокий золотистый ремешок лишний раз подчеркивал линию талии, не утратившей ещё тонкость и гибкость. Только бёдра, кажется, стали шире.

На мгновение представила себе, как буду выглядеть через лет эдак десять, и внутренне содрогнулась. Нет, становиться такой же как Жанет я не хочу. Вот закончу расследование и запишусь в тренажёрный зал, пообещала себе, прекрасно зная, что забуду об этом обещании завтра утром.

Недавно открывшийся ресторан тайской кухни стал необычно популярен среди местной элиты, поэтому и мы решили поужинать здесь. Предусмотрительные официанты в сине-зелёных шёлковых рубашках подливали вино в бокалы и приносили закуски в крошечных мисках, пока мы ожидали основные блюда. «Том Ям» ни меня, ни Джонатана нисколько не впечатлил. Превозносимое знакомыми как шедевр тайского кулинарного искусства, на деле блюдо представляло собой какой-то странный суп на кокосовом молоке с огромным количеством креветок, грибов, помидоров, крупно нарубленным лимонником и ещё бог знает чем. Поковырявшись в «Том Яме» и даже попытавшись жевать жёсткий лимонник, мы дружно положили ложки и глотнули вина, ожидая, когда нам принесут второе блюдо. Улыбаясь, муж тихо заметил: «Лучше бы мы поехали в бразильский ресторан и наелись жареного мяса с чили и картошкой». Я улыбнулась, легонько пнув его под столом ногой, обутой в чёрные классические «лодочки». Утром я предупредила его, что вряд ли нам понравится тайская кухня с её специфическими специями и несочетаемыми ингредиентами. Но разве можно переубедить африканского вождя? Как любит повторять моя подруга из Киева, пацан сказал, пацан сделал. Так и мой муж. Если он решил ужинать креветками в кокосовом молоке, даже если на дух не переносит ни то, ни другое, то, будьте добры, предоставьте ему именно креветки и кокосовое молоко. Джонатан рассмеялся, читая на моём лице ответ на своё замечание. «Всё, киска, молчу. Сам виноват, поэтому съем любую траву здесь, но обещай, что дома ты мне пожаришь бифштекс». Я уже собралась ответить колкостью, но в этот момент официант торжественно поставил перед нами огромные овальные тарелки с подозрительного цвета едой. «Пад Тай», – коротко произнёс он с апломбом, вконец рассмешив нас с мужем. Поблагодарив его сквозь смех, мы устались на содержимое тарелок. Аккуратно закрученная жареная до коричневого цвета лапша с креветками, орехами, тофу, ростками фасоли, зелёным луком, чесноком и залитая яйцом выглядела не очень аппетитно. Джонатан взял вилку и недоверчиво ковырнул коричневато-зелёную горку, подцепив лапшу. Я внимательно наблюдала за его реакцией, ожидая чего угодно, но только не выражения восхищения на его смуглом лице. Всё ещё не веря своим глазам, я тоже осторожно подцепила на вилку кусочек креветки и положила в рот. Невзрачная на вид «Пад Тай» оказалась изумительной едой, которую мы прикончили за несколько минут и устались друг на друга, не в силах скрыть удивления. В этот момент официант поставил на стол круглый поднос со специями, невозмутимо объявив: «Соусы для „Пад Тай“, господа!». Едва сдерживая хохот, я торопливо встала и отправилась в дамскую комнату, оставив мужа в одиночестве есть острые специи и пить уксус из хрустальной бутылочки.

При входе в дамскую комнату столкнулась со старой подругой и бывшей соседкой Синтией. И, хотя мы часто болтаем по телефону, обе искренне обрадовались встрече. Синтия, кажется, наконец-то встретила любовь всей своей жизни и была безмятежно счастлива, с упоением рассказывая мне про нового ухажера. «Если ты с ним здесь, то покажи его. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И Джонатан бы познакомился с твоей любовью», – обратилась я к подруге, подкрашивая губы у зеркала. Синтия замялась, пряча глаза: «Знаешь, Ольга, он такой скромняга, мой парень. Давай, в следующий раз. Я обязательно тебя с ним познакомлю, обещаю». Что-то в её голосе меня удивило. Неужели она заочно приревновала ухажера ко мне? Или он такой уродливый, что ей стыдно знакомить его со мной и Джонатаном? «Окей! В следующий раз так в следующий раз», – я обняла подругу и поцеловала в щёку, чтобы снять напряжение. И снова поругала себя, что нужно было сначала поцеловать Синтию и только потом красить губы. Придётся подкрашивать их заново.

– Кстати, а ты что в полицейском управлении делала? – неожиданно спросила подруга, пытаясь поправить узкое платье сзади, чтобы глубокий разрез встал на место.

Рука дрогнула, и я, мазнув помадой чуть выше губы, схватила салфетку, гадая, откуда она могла узнать о моей афере.

– Неужели и тебя вызвали по делу об убийстве? Ты же говорила, что тебя дома не было в то утро. Странные у нас полицейские какие-то, – продолжала Синтия. – Беспокоят людей не по делу. Мало ли, что ты живёшь рядом с нашим домом, ты же ночами в окна не выглядываешь и не следишь за соседями. Дураки. Просто слов нет.

– И тебя вызывали? – спросила я, увильнув от ответа.

– Сейчас! Разбежалась я к ним мотаться! Ещё чего! Много чести. Папа вообще запретил с полицейскими разговаривать. Они к нему в офис приходили, конечно, но мы же не виноваты, что в нашем доме произошло убийство. Дом арендовали, контракт на руках, а за безопасность квартирантов мы не отвечаем.

– Аааа, – протянула я и направилась к выходу.

– О чём они тебя спрашивали? – не отставала Синтия, загородив дверь своим крупным телом.

– Ой, спросили, не видела ли я чего подозрительного той ночью. Но что я могла увидеть? Спали же мы, – отмахнулась я, напустив на себя равнодушный вид. И всё же очень хотелось узнать, кто видел меня в участке. – Да, а кто тебе сказал, что меня вызывали копы?

– Папа.

– Я его не видела...

– Так он там и не был.

– Откуда тогда он узнал? – я насторожилась.

– Ой, почём же я знаю? Ну, видел тебя кто-то, видимо, и ему сказал. Город-то маленький. Слушай, как тебе здешняя кухня? На мой вкус, так гадость. Больше ни ногой сюда.

В машине Джонатан спросил, как у меня дела продвигаются со следствием. На что я, философски ответила: «Родной мой, только слабые совершают преступления: сильному и счастливому они не нужны (18). Вот я и ищу самого слабого, но очень амбициозного в посольстве. И скоро найду».

День четвёртый

Пытаясь успеть переделать все домашние дела до отъезда на новую работу, я чуть не заработала инфаркт. Джейн, не привыкшая к тому, что меня целыми днями нет дома, совсем разленилась. Забросив уборку, она проводила целые дни у телевизора, где с утра до ночи крутили местные и бразильские сериалы. Собирая рано утром малышей в детский сад, я обнаружила в их ванной комнате полную корзину грязной одежды, а заглянув за дверь, ахнула от ужаса – там уже клубилась пыль. Кухонная плита тоже успела зарости грязью, так что пришлось мне задержаться дома и провести профилактическую беседу с домработницей. Для начала я вытащила шнур из телевизора и спрятала в мою сумочку, чтобы у Джейн не было соблазна снова погрузиться в скандальный мир кенийских мыльных опер, а затем написала список дел, которые ей нужно было выполнить до моего прихода. Конечно, моя помощница не была в восторге от длинной череды заданий и уже хотела запротестовать, но я, напустив на себя строгий вид, забрала список назад и приписала мытьё окон на кухне. Поняв, что у меня в запасе куча всяких дел для неё, Джейн ловко выхватила листок из моих рук и спрятала в карман своего клетчатого фартука, всем видом показывая, что не отдаст этот злосчастный клочок бумаги даже под пытками. Еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, я прыгнула в машину и помчалась на работу. Хотя, помчалась громко сказано. Только я успела выехать из нашего тихого и зелёного района к зданию Организации Объединённых Наций, как попала в пробку, которая двигалась со скоростью мелкой черепахи. Чертыхаясь, спустя час я всё же вырвалась на центральную дорогу и уже с наслаждением было нажала на газ, как заметила полицейского, коварно прячущегося за хлипким навесом остановки матату (19). Тормознув, сбавила скорость, и медленно покатила по дороге, зная, что в утренний час, когда все спешат по делам, наши полицейские-охотники, как один, тоже вышли на промысел. Нет, не на службу, а именно на промысел, вылавливая нарушителей и собирая дань с шофёров грузовиков и маршрутных такси. Мы уже привыкли к этому и спокойно вкладываем в руку очередного блюстителя порядка купюру в пятьсот шиллингов, лишь бы отвязался, а вот иностранцы, по контракту работающие в ООН, протестуют и даже звонят в дипломатическую полицию, которая мгновенно приезжает вызволять их из лап наших полицейских. Везунчики. В конце концов, наши парни в голубых рубашках решили с ними не связываться – только завидев красного цвета номера патрульный сразу же отворачивается, выискивая глазами местных водителей, за которых никто не заступится, кроме, конечно, бога. Решив не искушать судьбу, я примерно вела машину до самого полицейского управления и только припарковавшись, вспомнила, что в кармашке сумочки у меня лежит удостоверение, из которого следует, что я помощник следователя, а значит, лицо неприкосновенное. Ох, чёрт побери, как я могла забыть об этой индульгенции и не нестись по трассе со скоростью самолёта?! В следующий раз точно не пропущу такой шанс.

Как только я вошла в кабинет и поздоровалась, Гарри тут же положил передо мной бланки для допросов и озабоченно кивнул в сторону комнатки, где нас ждал Питер. Схватив бутылку с водой и пачку салфеток, приготовленных ещё вчера после допроса поварихи, я пошла за Гарри, с тоской думая о том, что снова придётся битый час смотреть на спектакль от талантливой доморощенной актрисы Катрин. Но дежурный раскрыв дверь и перед нами предстал молодой мужчина в дорогом тёмно-сером костюме, белоснежной сорочке, тщательно повязанном красном галстуке и вычищенных до блеска чёрных туфлях. За его широкой спиной маячил не менее импозантно одетый кениец в очках в золотой оправе.

– Эдвард Герая, первый секретарь посольства Парагвая, – важно представился вошедший и без приглашения сел, закинув ногу на ногу и сцепив пальцы рук на колене, предусмотрительно приподняв штанину брюк, чтобы не помять тщательно отутюженную дорожную ткань.

Придирчиво рассмотрев его одежду и обувь, я подняла глаза и взглянула в лицо Герая, с которым очень хотела поговорить с первого дня, как решила вести моё собственное расследование убийства Эльсеке. Беседовать с ним сейчас будет, увы, мой начальник. Интересно, какую тактику он придумал для самодовольного и вальяжного чиновника? Не в молчанку же играть будет? Вроде как не солидно, хотя с Питера станется. Если я не ошибаюсь, ему глубоко плевать на чины и положение того, кто попадает в его огромные и крепкие руки. Мой шеф свято уверен, что перед законом все равны, а перед его методами тем более. Но за столом сидел дипломат с его неприкосновенностью, а рядом устроился юрист посольства господин Гитонга, который излучал уверенность и спокойствие. Он вежливо и невозмутимо поздоровался со всеми по очереди, но от меня не укрылось его лёгкое удивление, когда он посмотрел на меня, скромно пристроившуюся за столом рядом с Гарри. Брови уважаемого юриста легонько поползли вверх, однако он мгновенно справился с эмоциями и мило кивнул, словно мы встречались вне стен этой неуютной комнатки.

К моему удивлению, Питер не стал выбрасывать коленца. Шла обычная беседа, местами даже с претензией на светскость. Только что не хватало бокалов с вином. Через какое-то время я заерзала на жёстком стуле, заскучав от неторопливо лившихся слов. Обе стороны, словно договорившись заранее, говорили о скучных вещах, мало касающихся неожиданной смерти посла. Не знаю, заметил ли Питер моё нетерпеливое движение, но, пополировав свою гладко выбритую голову, резко перешёл к личности Хельги Эльсеке. Ничего нового в истории для меня уже не было. Только что имя убийцы было неизвестно. Хотя, я почти не сомневалась, что приказал убить начальницу не кто иной как сам Герая. Не зря же он старого посла со скандалом из страны выпроводил. Хорошо, пока они ведут беседу о связях Эльсеке в Парагвае и выясняют, были ли у неё недоброжелатели на родине, расскажу о том, что мне уже известно о её смерти.

Парагвайский посол, пятидесятипятилетняя Хельга Эльсеке проработала на посту менее двух недель. Она была прислана из Асунсьона на смену старому послу, которого отозвали после семилетней службы в срочном порядке из-за разгоревшегося в посольстве скандала. Женская часть прислуги, работавшая в резиденции много лет, вдруг обратилась в полицию и к столичным журналистам с заявлением, в котором обвиняла посла в сексуальных домогательствах. Дамы, делано смущаясь перед камерой национального телевидения, рассказали в деталях, как похотливый посол домогался их. Чую, что Герая стоял за этой грязной историей. Метил на пост посла, видимо, а ему дулю из его министерства прислали в виде Эльсеке, которая не стала утруждать себя расследованием скандала, разрубив Гордиев узел одним махом, – она объявила жалобщицам, что даёт им месяц на поиски нового места службы.

Вечером перед своей гибелью Эльсеке перебралась в резиденцию, предварительно отдав распоряжение поменять все дверные замки в посольстве. До этого она жила в гостинице. Утром следующего дня повар Катрин пришла, чтобы приготовить завтрак послу, однако дверь была заперта изнутри. Решив, что начальница решила подольше понежиться в постели, Катрин ушла в домик для прислуги, где её и нашёл приехавший на работу к девяти часам первый секретарь Герая. Оказалось, что ни у кого не было ключей от резиденции. Поменявший замки плотник отдал всю связку лично в руки посла. Сначала Герая позвонил Хельге на мобильный телефон, но, не дождавшись ответа, вместе с охранником и садовником обошёл дом и, встав под окнами спальни, ещё раз позвонил. Все услышали негромкую трель сотового телефона сверху. Попробовали кричать, но никто не откликнулся. Решив, что немолодой женщине стало плохо ночью, приставили лестницу к окну и отправили охранника, чтобы он посмотрел, что происходит наверху. Стоило ему только прикоснуться к окну, как то само раскрылось. По приказу Герая парень влез внутрь спальни и обнаружил на кровати связанную по рукам и ногам мёртвую Эльсеке. Как потом установила полиция, женщину удушили куском провода. Дело было

за вскрытием, однако приехавший врач вынес предварительный вердикт – странгуляционная асфиксия от сдавливания шеи петлёй.

Краем уха слушая, о чём говорят мужчины, а болтали они о сущих пустяках, не имеющих ни малейшего отношения к делу, я размышляла, как мог Герая удушить Эльсеке. Неужели влез ночью к ней в окно? И почему ночная охрана его не заметила? Ерунда. Не стал бы он сам лазить в окна. Изнеженный денди. Наверняка, нанял киллера. А профессионал проник на территорию резиденции незамеченным, приставил лестницу, удушил бесшумно посла, спустился, убрал лестницу на место и незамеченным же ушёл. Снова ерунда. Зачем ему было связывать её по рукам и ногам? Удушил бы по тихому и свалил. Чего ради возиться ему со связыванием? Что-то в моей версии не состыковывалось. Только вот что? Пахнет тут не профессионализмом, а дилетантством чистой воды. Как будто кто-то специально наводит на мысль о предумышленном убийстве, в то время, как всё произошло случайно. Случайно? Точно!

Я мысленно подпрыгнула на стуле, осенённая внезапной догадкой. Вот именно, всё произошло случайно. Она умерла до того, как кто-то симитировал убийство. Только вот зачем? И кто? Если только... Додумать мне не дал Питер своим новым вопросом. И, хотя вопрос был адресован не мне, я насторожилась.

– А скажите, были ли у госпожи посла любовные связи в Найроби?

Герая бросил быстрый взгляд на юриста Гитонга, что, полагаю, не укрылось и от Питера.

– Психологи утверждают, что дамы в таком возрасте особенно остро нуждаются в мужском внимании и понимании. Так как? Завела она себе любовника?

– Как вы можете говорить такое о покойной? – кажется, Герая пришёл в себя от провокационного вопроса босса. – Она была уважаемой дамой и профессионалом своего дела, которая всю себя отдала работе и защите интересов родины на международной политической арене. Как вы можете подозревать её в любовных интрижках?

Гитонга слегка коснулся рукава возмущённого Герая и вступил в беседу. Говорил он неторопливо, но твёрдо и убедительно. Было в его облике что-то кошачье. Не от уличного драного кота, орущего по ночам на крыше, а от домашней избалованной кошечки. Мягкость движений, пропорции тела, голос, интонации. Вот говорит сейчас о серьёзных вещах, а в ушах у меня ласковое «Мур-мур».

– Господин Мбугуа, мы понимаем, что вы ведёте поиски убийцы и разрабатываете разные версии, даже такие невероятные, как наличие любовника у госпожи посла. Однако давайте не будем забывать, что госпожа Эльсеке прибыла в Найроби всего за две недели до своей нелепой гибели. Две недели – очень маленький срок для того, чтобы завести такого рода знакомства, на которые вы намекаете. Учитывая колоссальную нагрузку, которая была у госпожи Эльсеке на новом месте работы, говорить о личной жизни не приходится. Она всё время была на рабочем месте. За эти две недели не было ни одного приёма, ни одной вечеринки и даже просто торжественного ужина в резиденции. Я не говорю уже о том, что госпожа Эльсеке уезжала из резиденции обычно поздно вечером и направлялась напрямиком в гостиницу, что может подтвердить её личный водитель.

Но на Питера мурлыканье Гитонги не произвело никакого впечатления и он гнул своё:

– Она и не ела две недели что ли?

– Зачем же утрировать? – юрист сделал вид, что огорчился. – У нас замечательный повар, которая умеет готовить не только европейские и кенийские блюда, но и знакома с парагвайской кухней. Я уверен, она полностью удовлетворяла потребности и вкусы госпожи Эльсеке.

– Катрин-то? Парагвайские блюда... Ну да, ну да... Не сомневаюсь в её способностях. Эта может любое блюдо приготовить. Мастерница на все руки. Искушница.

Гитонга слегка приподнял бровь и снова дотронулся до рукава Герая, который уже и рот открыл, чтобы что-то сказать Питеру. Но не сказал. В комнате повисла тишина. Мне было интересно понять, какую роль в скандале с предыдущим послом сыграл юрист, напомнивший

мне мамину кошечку – ласковую, но хитрющую Симону. Явно, важную, если не ключевую. Они с Герая словно две сладкие шоколадные палочки «Твикс». Неразлучная сладкая парочка в одной обёртке. Это об этих парнях. И как это я раньше не обратила внимания на Гитонг-то? Вот растяпа ты, Ольга Аброровна! Но ничего, изучу его подноготную. Теперь понятно, кто помогал Герая интриговать против старого посла и поставил на него высокие ставки, которые обвалились с приездом Эльсеке в Кению. И, если её всё же придушили, то Гитонга, должно быть, и организовал убийство. С этой кошки коварной станется. А почему я о нём как о кошке думаю? Кот он вроде как. Нееет, Ольга Аброровна, хитрая и ласковая кошечка он. А котяра шkodливый и дерзкий – это Герая. Ну вот, всё стало понятным. Кот и кошечка. Сладкая парочка «Твикс». Ох, вы мои голубчики. А Питер-то заметил, что эти двое пара? Или раскрыть ему глаза на правду? Вот удивится, наверное. Ему такое в голову не придёт при всём его изощрённом уме. Старой закваски мужик, наверное, ничего и не знает про однополую любовь.

Но я недооценила шефа. Следующий его вопрос заставил меня слегка покраснеть.

– Господин Герая, как долго вы состоите в интимной связи с господином Гитонга? Извините за откровенный вопрос, но поверьте, ничего личного, только по долгу службы.

Сожалением или извинением от вопроса Питера и не пахло. Он знал, как поддеть красавчиков.

– Мы отказываемся продолжать беседу. Пожалуйста, обратитесь в письменной форме, если хотите снова встретиться с господином секретарём, – юрист нисколько не изменился в лице.

Парочка встала и, подчёркнуто вежливо попрощавшись, вышла из комнатки. Я мило улыбнулась, чувствуя, что и Питер, и я на правильном пути. Этот шоколадный батончик нужно сначала разделить и потом по одиночке обрабатывать. Что я и сделаю прямо сегодня. Вот и картонка с контактами господина нашего дорогого Гитонга в блокнотике лежит, ждёт своей минутки. Питер улыбнулся:

– Кто там у нас, Ольга, был специалистом по трагедиям и любовным треугольникам?

Я не поняла его намёка, но крепко ухватилась за идею «любовного треугольника».

– Кто написал про убийство Эльсеке, спрашиваю? Неужели вы не читали? Эх, молодёжь, молодёжь, – по стариковски ворчал Питер. – Не читаете ничего серьёзного, только и висите в Интернете своём. Знали бы классику, то и поняли бы меня с полуслова.

Гарри непонимающе пожал плечами и задал вопрос, который к намёку Питера не имел отношения:

– Шеф, так вы и вправду полагаете, что у этих двоих связь?

– Не полагаю, а уверен. Ольга, так что у нас с литературой? – босс не отставал. Неужели пронюхал о моём филологическом образовании?

– Но кто же Отелло в этой истории? Неужели Гитонга? – мне и вправду было интересно распределить роли и понять, кто из двоих был тем самым хрестоматийным ревнивцем, о котором уже изнамекался Питер.

– Какой Отелло? – Гарри встрял некстати, заслужив сожалеющий взгляд шефа.

– Пока не могу сказать, но вполне возможно, что и он, хотя Герая больше подходит на эту роль. Горяч и импульсивен. А Гитонга мне Яго напоминает. Мягко уж больно стелет. Во всяком случае, на публике.

– Нет, Питер, на мой взгляд, Гитонга и есть Отелло. Герая, вот кто Дездемона. А убили они вместе Яго. Не по сюжету получается немного, но очень жизненно. Я бы предпочла, чтобы у Шекспира тоже такой финал был – Дездемона и Отелло душат противного Яго.

– Учись, Гарри, у Ольги. Вон как быстро она вычислила убийцу, – то ли серьёзно, то ли в шутку заметил Питер и вышел из кабинета.

Гарри удручённо смотрел на меня, ожидая разъяснений. Бедняга, он ничего не понял из нашего с боссом разговора.

– Ну что, по кружке сладкого чая с мандази? – предложила я. – Так уж и быть, расскажу тебе о шекспировской драме, – добавила, пожалев неуча.

День пятый

Джонатан выглядел озабоченным. Уж не знаю, что на него вдруг нашло, но с утра пораньше он сидел с ноутбуком в постели, быстро строча что-то своими длинными красивыми пальцами. Слышалось лёгкое постукивание по клавишам, от которого я, кажется, и проснулась. Обычно мой африканский вождь не работает дома, поэтому я и удивилась, открыв глаза:

– Родной мой, чего это ты такой хмурый? Что случилось?

– Спи, рано ещё. Ничего не случилось, просто есть кое-какие мысли, которые хочу записать, пока не забыл. Спи, Ольга.

Заснуть мне не удаётся – нервирует стук клавиш и падающий свет с экрана компьютера. Я повернулась на бок и пощекотала мужа, давая понять, что не прочь поиграть с ним. Не поворачивая головы в мою сторону, он только и проронил:

– Сладкая моя, не сейчас.

Но я, не теряя надежды на более приятное утро, нарочито медленно встала с постели и направилась в ванную комнату, плавно покачивая бёдрами и сладко потягиваясь. Ноль эффекта. Джонатан так и остался сидеть на кровати, уткнувшись в экран и ловко перебирая пальцами по клавиатуре. Кажется, он и не заметил мои манёвры или предпочёл не отвлекаться. Подождав его с минуту в ванной, я разочарованно вздохнула и принялась за утренний туалет, гадая, какая вождя попала мужу под шлею.

Томи и Мими, словно ждали сигнала к пробудке. Две черноволосые кучерявые головы просунулись в дверь душевой кабинки и одновременно спросили:

– Мама, где папа?

– В постели, конечно, – еле выговорила с полным ртом зубной пасты. Есть у меня такая привычка – чистить зубы, стоя под душем.

– Нет его там, – Мими мгновенно просканировала пространство душевой, как будто Джонатан мог спрятаться за моей спиной. – И здесь его тоже нет. Томи, бежим на кухню. Папа, наверное, спрятался от нас.

Когда я спустилась вниз, Джейн уже усадила детей за стол. Приговаривая на кисвахили, что ранним пташкам боженька всегда даёт лакомые кусочки, она накладывала им в тарелки молочную кашу, не скупясь на сливочное масло, которое зачерпывала столовой ложкой из маслёнки и с удовольствием бухала в середину каши. Поставив турку с кофе на плиту, я тоже уселась, ожидая своей порции.

Джонатан, сидя за столом в пижаме, всё так же увлечённо стучал по клавиатуре, не замечая ничего и никого вокруг. Налив себе кофе, я краем глаза наблюдала за ним, решая, стоит ли мне уже беспокоиться о его самочувствии или ещё подождать. Если мой кофеман попросит чашечку свежего кофе, а не учуять божественный аромат кенийского кофе может лишь человек с врождённым отсутствием обоняния, значит всё в порядке и им сегодня просто овладела мания писательства, а вот, если промолчит, то пора беспокоиться. Повеяв носом, Джонатан оторвался от экрана и посмотрел по сторонам, словно не узнавая знакомую кухню. Взглядом остановился на мне и слегка мотнул головой, что, надо понимать, было знаком дать ему кофе. Вот и славненько, искренне обрадовалась я, ни о чём не спрашивая мужа. В моих сегодняшних планах не было пункта «Няньчиться с мужем». Меня ждала важная встреча с Гитонгой, которую я у него буквально выцыганила вчера вечером по телефону, пообещав ничего не записывать ни в блокнот, ни на диктофон.

Юрист долго не брал трубку. Хотя, имея современные мобильные телефоны, говорить, что кто-то не берёт трубку, конечно же, смешно. Большинство мужиков спят в обнимку с мобильниками, тискают их весь день в руках как любимую игрушку, носят в карманах брюк и рубашек, выхватывая и нажимая на кнопки каждую свободную минутку. Видимо, госпо-

дин Гитонга размышлял над незнакомым ему номером телефона или пробивал его по базе данных, пока я названивала каждые пятнадцать минут. Наконец, поняв, что я не отстану от него, ответил, ласково промурлыкав: «Хэллоооо, чем могу помочь?». Казалось, моя просьба о встрече нисколько не удивила его, во всяком случае, он не спросил, почему я настаиваю на частной беседе вне стен полицейского управления. Это поначалу насторожило меня, но не настолько, чтобы отказаться от авантюры, поэтому, загнав тревогу поглубже, я ринулась атаковать Гитонгу, предвкушая жирную добычу в виде информации как о нём, так и о Герая. К моему удивлению, он назначил мне встречу на утро, предложив выпить вместе кофе в популярном в Найроби «Арт-кафе», расположившемся на первом этаже фешенебельного торгового центра Вест гейт. И, хотя я не люблю этот огромный центр за излишнюю претенциозность и показную роскошь, мгновенно согласилась подъехать к этим «Воротам на запад» или «Западным воротам», кому как нравится.

Пока я уговаривала близнецов сходить ещё один раз в детский сад, усаживала их в машину, пристёгивала ремни на сиденьях, бегала домой за забытыми контейнерами со вторым завтраком, Джонатан тоже собрался на работу. Всё с тем же озабоченным выражением на красивом лице, он поцеловал сначала Томи и Мими, затем меня и, кивнув Джейн, стоящей в дверях, сел в свой чёрный порше и, громко взревев мощным мотором на прощание, вылетел из ворот. Всё это он проделал молча, однако у меня не было времени заморачиваться его странным утренним поведением. Пока вела машину в детский сад, решила приготовить узбекский плов моему вождю, а уже под плов и холодную водочку и осторожно расспросить. Но это будет только вечером.

Гитонга выглядел безупречно. Казалось, что неприятности, свалившиеся на посольство, нисколько его не трогают. Как юрист, он, должно быть, напряжён как перегревшаяся электрическая лампочка. Ольга Аброровна, откуда у тебя такие сравнения возникают? Лампочка и Гитонга. Я и перегревшуюся-то лампочку ни разу в жизни не видела. Хотя нет, видела. У бабушки под виноградником однажды вечером лампочка взорвалась. Сначала стала светить неестественно ярко и через секунду – бах! Тогда я, помнится, инстинктивно пригнулась с зажмуренными глазами и закрыла голову руками, чем, наверное, и спасла свои глаза. Бабуля же причитала надо мной, повторяя: «Лампочка старая, перегрелась. Перегрелась лампочка». Мысли какие-то лезут в голову странные, думала я, пробираясь между тесно стоящими столиками и стульями в самый угол террасы, где на диванчике меня ждал улыбающийся Гитонга. Галантно встав, юрист мягко пожал мою руку и, отодвинув стоящий рядом стул, дождался, пока я усядусь, и только после этого вернулся на своё место. Поставив локти на стол и сцепив пальцы перед собой, господин наш загадочный излучал, если не безмятежное счастье, то уж буддистское спокойствие точно. Хитёр бобёр, подумала я и нацепила на лицо свою самую очаровательную улыбку, давая понять, что и я спокойна как слон. Во всяком случае, мне так хотелось думать, чтобы он обо мне подумал. Уф, запуталась я в словах и мыслях. И чего волнуюсь, спрашивается? Это он должен переживать, а не я, но что-то мне не по себе. Кажется, мне стыдно прикидываться официальным лицом и врать этому человеку, который отложил дела и приехал на встречу со мной, взбалмошной скучающей богачкой, путающейся у следствия под ногами. Я была готова выложить ему всё про себя, но от провала спасла официантка, положившая передо мной меню в кожаном переплёте. Пока мы заказывали кофе и пирожные, я решительно затоптала робкие ростки угрызения совести, вытащив на поверхность несвойственную мне по природе наглость. Как ни странно, смирившись с мыслью, что я обычная стерва, я успокоилась. Вот и ладненько. Дубль первый, поехали, Ольга!

– Господин Гитонга, – начала я после приветствия, – извините моего босса за вчерашнее. Он иногда излишне прямолинеен. Сами понимаете, специфика работы накладывает определённый отпечаток цинизма на нас и наши мысли.

– Что вы, госпожа Оданга, не стоит даже вспоминать об этом. В каждой профессии есть свои плюсы и минусы. Я понимаю.

– Спасибо, что согласились со мной встретиться. Мне очень важно было поговорить с вами именно сейчас, пока следствие не поставило последнюю точку в деле. После этого, боюсь, у нас не будет возможности побеседовать. И ещё, я должна заранее извиниться, теперь уже за себя, если в беседе мы коснёмся вашей личной жизни. Очень не хочется этого делать, но опять же, поймите, такая работа, – я почти слово в слово повторила Питера.

– Хм, раз уж разговор зашёл о личном, можно вас попросить отключить на время телефон, госпожа Оданга? Я свой уже отключил, – и он положил на стол элегантный тоненький смартфон, даже нажал на пару кнопок, давая понять, что тот не работает.

Я достала из сумочки свой огромный смартфон, расчехлила и тоже отключила.

– Надеюсь, у вас нет диктофона? – глаза юриста настороженно сверкнули из-под стёкол очков.

Меня осенило. Ах вот почему я его сравнила с перегревшейся лампочкой! Он же светится изнутри неестественно, и это заметно именно по глазам. Очки скрывают выражение глаз, но вблизи нездоровый блеск сложно спрятать. Он обжигает меня, заставляя кукожиться изнутри. Второй дубль, Ольга.

– Как я и обещала, ничего не буду записывать, – искренне развела я руками. – Может быть, вы будете называть меня просто Ольга?

– Тогда вы меня тоже зовите Джон, – его глаза снова блеснули.

– Вот и замечательно. Джон, где вы учились? – я решила зайти издалека, в то же время мне хотелось узнать побольше о моём собеседнике.

– В Соединённых Штатах. А вы?

– В Узбекистане, – главное не уточнять специальность и не дать ему времени думать обо мне.

– А в каком университете, если не секрет? – после этого вопроса приступлю к самому важному, решила я.

– Гарвард.

– Испанский язык тоже в Гарварде выучили?

– Конечно.

– Там же встретили и Герая?

– Да, – коротко и невозмутимо ответил Джон.

Кажется, он готов к любым вопросам, а я то, наивная, хотела застать его врасплох. Погоди, господин ты наш Гитонга. Дубль третий.

– Там же вы и сблизились?

– Ольга, давайте договоримся использовать понятные определения. Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, – увильнул от ответа Джон.

– Хорошо, вы стали тайно встречаться?

– Хм, допустим, что не тайно. Вы осуждаете мужскую дружбу? Хотя, я не должен удивляться. Вы же из бывшего СССР.

Один-ноль. Не в мою пользу. Главное сейчас не оправдываться и не углубляться в эту тему. Но за щелчок по носу нужно отомстить.

– Я не заметила толерантности к однополым связям у кенийцев. Наоборот, многие яростно отторгают и осуждают всё, что не входит в привычные рамки отношений. Увы, наш мир несовершенен, Джон. Что поделаешь.

И продолжила:

– Как же Герая удалось получить работу именно в Кении? Не думаю, что в министерстве иностранных дел Парагвая молодому дипломату дали выбрать страну самому. Обычно чиновников назначают не особо церемонясь с их желаниями. Какое однако везение в вашем случае.

– Везение здесь ни при чём. Всё очень просто. Не так много желающих среди дипломатов в Асунсьоне лететь на работу в африканскую страну.

– Неужели так просто?

– Я не сказал, что было просто.

– Вы ждали Герая в Кении очень долго?

– Ольга, сколько лет вы живёте в Найроби? – вопросом на вопрос ответил Джон.

– Десять.

– Это долго?

– Полагаю, что не очень. А что?

– Для каждого человека существует своя шкала определения «долго». Это очень субъективно.

– Хорошо, Джон. Сколько лет?

– Три года.

– Почему вы организовали травлю старого посла?

– Хм, Ольга, такого не было.

– Джон, я ни за что не поверю, что прислуга сама накропала пресс-релиз и разослала по электронной почте журналистам. За ними стояли вы с Герая. Только вот я не могу понять одного – почему вам понадобилась убирать посла? Хотели посадить на его место своего воз... извините, друга? Или вы просто поддержали желание Герая стать послом? Или подчинились амбициям, хм, друга?

Джон молчал. Отвернувшись от меня в сторону дороги, он снял очки и принялся протирать безупречно чистые стёкла таким же безупречно белым носовым платком, который достал из нагрудного кармана рубашки. Мне стало жаль запутавшегося в личных и политических интригах Гитонга. Образованный, умный, тонкий человек страдал. И я это видела. Как и то, что спираль внутри него вот-вот перегорит от чрезмерного накала и он взорвётся как та бабушкина лампочка в саду под виноградником.

Наконец принесли кофе и морковный кекс. Чтобы дать время Джону успокоиться, я с энтузиазмом принялась за завтрак. Кофе был крепкий и ароматный, а вот кекс слишком сладкий даже на мой невзыскательный вкус. Я уже много раз зарекалась не заказывать в «Арт кафе» никакую выпечку, а сегодня забыла. Здешние кондитеры бухают горы сахара в свои изделия, подчиняясь вкусу кенийцев, обожающих сладкое. Мой кекс был не просто приторным, у него был вкус чистого сиропа. Бррррр! Меня затошнило. Подозвав официантку, я попросила принести бутылку газированной воды, чтобы запить злополучный кусочек сладости, который успела проглотить.

Джон улыбнулся, заметив, как я отодвинула тарелку с куском выпечки, но ничего не сказал. Мне же хотелось поскорее задать ему следующий вопрос. Глотнув холодной воды из высокого стакана и немного подумав, я спросила:

– Вы уверены, что госпожа Эльсеке действительно домогалась Герая? Не может быть так, что это была его фантазия или коварный план, чтобы убрать конкурента вашими руками?

От меня не ускользнула мимолётная растерянность, пробежавшая по лицу Джона. Мгновенно совладев собой, он язвительно ответил:

– Ольга, у вас богатая фантазия. Вам нужно писать криминальные романы. Тем более, что ваше филологическое образование вам позволяет делать это. Не правда ли?

Два-ноль. И снова не в мою пользу. Какой хитрый и изворотливый! А я его даже пожалела в какой-то момент. Он же изучил мою анкету. Только вот вам вопрос, Ольга Аброровна, откуда он её взял? Нужно будет подумать об этом.

– О, Джон! Моя работа отнимает столько времени, что мне некогда заниматься писательством. Увы.

– Конечно, конечно, – быстро согласился со мной собеседник, кивнув, – а ведь у вас ещё и дети, и муж, и семья. Забот хватает, полагаю.

– Что и говорить! – воскликнула я, разозлившись. – Итак, госпожу Эльсеке приказали придушить вы, не так ли? Ваша ревность перешла все границы, Джон.

– Ольга, я польщён. Вы отвели мне в этом несчастном случае демоническую роль. Я бы даже сказал, драматическую. Главную роль. Но вы ошибаетесь. Бедная госпожа посол пострадала от неизвестного убийцы или грабителя. Не могу сказать точно. Это предстоит установить вашему ведомству, если, конечно, оно и вправду ваше. Кажется, мы славно побеседовали о сюжете вашей будущей фантастической книги, Ольга. Желаю удачи! Не забудьте изменить настоящие имена на вымышленные и пригласить меня на презентацию. Полагаю, ваш супруг и в этот раз возьмёт на себя устройство вашего нового проекта? Если ему ничего не стоило пристроить вас ассистентом следователя, то уж публикация романа – сущий пустяк для всемогущего Джонатана Оданга. Разрешите мне заплатить за завтрак. Всего самого доброго и удачи вам, Ольга!

Гитонга встал, давая понять, чтобы я выметалась из кафе. Не сам ушёл, а меня выпроваживает, наглец, словно я на приёме в его личном кабинете. Мне не оставалось ничего другого, как мило попрощаться и достойно уйти, скрипя от бессилия зубами. Только Джон не знает мой настоящий характер. Словесными выкрутасами меня не смутишь. Мой характер годами закалялся под нападками и колкостями родной свекровушки Жанет, до которой вам, господин Гитонга, очень и очень далеко.

Выруливая со стоянки Вест гейта, я успокоилась, отметив, что Гитонга с дружкой поменяли стратегию, решив бросить следствию кость в виде признания своей тесной дружбы. Мол, вот вам, подавитесь, ищейки! Меня же использовали в качестве передатчика информации, дав Питеру ответ на его вчерашний вопрос таким путём. Неплохо они меня использовали. И ведь ничего я больше не узнала.

Питер встретил меня недовольным ворчанием. Он заполнял какие-то бумаги, время от времени морщась и ёрзая на стуле словно нерадивый ученик во время четвертной контрольной работы. Стараясь не мешать ему шуршанием бумаг, сваленных на моём столе неаккуратной кучей, я принялась их разбирать. Наконец, добралась и до протокола вчерашней беседы. Гарри аккуратно набрал текст записи на компьютере и получился приличный документ. Правда, абсолютно не информативный. Подшив документы, я достала заветный блокнот и задумалась над ним, понимая, что зашла в тупик. Признаться в своей никчёмности как сыщика и отступить, – вот единственно правильное решение в этой ситуации. Но тогда получается, что Гитонга умнее и хитрее, раз у него получилось так быстро поставить меня на место. На место матери семейства и жены. И, может быть, неудавшегося филолога. Стоп, откуда у него информация обо мне? Мы только вчера встретились, а уже утром ему известно и о моём образовании, и о моей семье, и даже о том, что Джонатан пристроил меня в помощницы к Питеру. Откуда? Получается, что кто-то из управления сливает ему информацию обо всём. Кто? Ведь об этом знают только четверо – я, Питер, Джонатан и дядя Виктор. Кандидатуру Питера я отмела сразу. Этот предан своей работе и делу и не обсуждает внутренние дела, кажется, ни с кем. Джонатан не станет никому ничего рассказывать однозначно. Остаётся дядя Виктор, устроивший меня сюда. Бред какой-то. Подумав, я согласилась со своей догадкой и занервничала. Получалось, что родственник наш всемогущий каким-то образом связан с Гитонга и Герая или с кем-то, кто помогает им. Почему? Какая ему от этого польза, ведь без личной выгоды министр внутренних дел Виктор Оданга ничего не делает? Стройная схема убийства Эльсеке, собранная мной за четыре с половиной дня накрепилась и грозила развалиться на несвязанные между собой факты. А, может быть, дядя рассказал жене или секретарше обо мне? А те разнесли сплетню по городу? Вряд ли такое возможно. Тогда бы Жанет узнала первой и устроила головомойку, какая мне и не снилась. Свёкра бы подключила к экзекуции Джонатана, а меня бы вынудила

сидеть дома и не соваться в следствие. Остаётся только дядя. Только какой ему интерес выгораживать Герая и Гитонгу? Чтобы не было дипломатического скандала? Вероятно, у него приказ сверху спустить всё на тормозах так, чтобы Герая отозвали в Асунсьон и там с ним разбирались сами, а Гитонгу они найдут как прижать к ногтю, если только он не сбежит раньше времени, поняв, что просто так выпутаться из грязной истории у него не получится. Вот так просто. Раз – и готово! Ни тебе открытого суда, ни тебе полноценного следствия. Хотя, для меня, пожалуй, уже и так всё ясно. Пора, Ольга Аброровна, заканчивать твоё личное расследование и раскрыть карты перед начальником. Он заслужил. Решившись, я прочистила горло, и произнесла негромко:

– Питер, у вас есть пара минут? Я бы хотела вам рассказать кое-что интересное.

Плов удался на славу. Впрочем, он у меня всегда вкусный и рассыпчатый. Не хочу хвататься лишний раз, но так оно и есть. Да и как ему не получиться вкусным, скажите мне, ради Аллаха? На два килограмма жирной баранины я положила в казан всего один килограмм риса и полтора килограмма моркови. И масло использовала самое настоящее, пловное – хлопковое. И зиру, ароматно пахнущую с базара Чорсу, не пожалела. И лука репчатого накрошила чуть ли не с килограмм, не говоря уже о пригоршне сушёного барбариса вперемешку с горошинками чёрного душистого перца, стручком острого красного перца, зубчиками чеснока и жёлтым шафраном. Пока я варила плов, Джейн несколько раз заглядывала на кухню, с удовольствием втягивая в себя аромат, исходящий от плиты, и заглядывала внутрь казана, где весело бурлил зирвак. Выложив готовый плов на ляган (20) и украсив верхушку янтарной рисовой горки нарезанными кусками баранины, я сама залюбовалась пловом. Если бы кто-то убедил меня, что от плова не толстеют, я бы, наверное, готовила и ела его каждый божий день, так я люблю это блюдо.

Съев вторую тарелку плова, Джонатан блаженно откинулся на спинку стула и промычал: «Киска, я засыпаю. Отнеси меня в кроватьку и уложи спать», – чем вызвал дружный хохот Томи и Мими.

День шестой

Питер лежал на высокой больничной койке с вытянутыми вдоль огромного тела длинными руками, от которых вверх тянулись толстые прозрачные вены капельницы. Казалось, он не дышал. Только подойдя очень близко, я заметила, что казённая простыня слегка приподнимается и спадает на груди босса. Говорить с ним медсестра не разрешила, поэтому, потоптавшись пару минут, я вышла из палаты, не зная, что делать дальше. К чувству ужаса, которое нарастало во мне с утра после звонка Гарри с сообщением, что ночью в Питера стреляли неизвестные, примешалось ощущение бессилия перед случившимся. Жизнь сильного мужчины висела на волоске и зависла даже не от усилий и профессионализма врачей, а от чуда. Случится невозможное и выживет Питер, а вот если нет... Об этом «нет» не хотелось думать, но и не думать тоже не получалось.

Гарри я нашла в холле больницы вместе с семьёй Питера. Все стояли угрюмые и растерянные, только пожилая полная женщина, кажется, жена босса, время от времени всхлипывала и громко сморкалась, приговаривая: «Ну, за что? За что его убили?». Стоявший рядом молодой человек поправлял её: «Он живой. Мама, его только ранили. Всё будет хорошо!». Слёзы навернулись на мои глаза, поэтому я торопливо отвернулась и тщательно вытерла их, мысленно приказав себе не раскисать. Слоняться здесь не имело смысла, но и уйти из больницы не было сил, не зная наверняка о судьбе Питера, поэтому я отвела в сторонку Гарри и попыталась узнать подробности ночного происшествия. Вполголоса, чтобы нас не услышали посторонние люди, он рассказывал мне то, о чём только что узнал от коллег в управлении, уже подключившихся к расследованию покушения на Питера. «Вчера босс возвращался поздно ночью и прямо перед его домом неизвестные обстреляли машину. Судя по ранению, целились в сердце, однако Питер оказался крепким мужиком, – голос Гарри сорвался, но он быстро взял себя в руки и продолжил. – Увидев убийц, босс пригнулся и вжал педаль скорости так, что машина рванулась вперёд, и пули прошли сквозь плечо». Меня беспокоил вопрос, как Питер догадался, что люди, находившиеся в другой машине, убийцы, однако у Гарри не было ответа. Удивлённо посмотрев на меня, он неопределённо пожал плечами и продолжил: «Как-то, наверное, догадался. Короче, всё это он сам рассказал приехавшим полицейским. Затем он потерял сознание и до сих пор не пришёл в себя. Даже операцию ему делали без уверенности, придёт он в себя или нет. Раны, по идее, должны быть не фатальными, только он потерял много крови до приезда в больницу». «Никто в его доме или по соседству не слышал стрельбу и не вызвал полицию? Так не бывает, – я не на шутку разозлилась. – Жена дети, соседи... Они не слышали ничего что ли? С ума сойти!». «В этом всё дело. Никто не выходил на улицу, – мой собеседник понизил голос и осторожно оглянулся на родню Питера. – Сначала его жена боялась даже выглянуть в окно, хотя и слышала стрельбу перед воротами. Затем, позвонив мужу на сотовый телефон, видимо, желая поделиться страхами, не могла сообщить, о чём он говорит. Тогда она позвонила сыну и попросила его приехать. Он же и вызвал полицию. В ожидании приезда сына и полиции, она несколько раз пыталась поговорить по телефону с Питером и, наконец, поняла, что он перед воротами в машине и просит о помощи. Тогда она набралась храбрости и всё же вышла наружу». Слушая Гарри, я сжалась в комок от ужаса. Одно дело, разгадывать детективные истории с убийством, сидя дома на диванчике с чашкой кофе, и другое, – столкнуться с убийством или попыткой убийства в реальной жизни. Когда знакомого тебе человека, с которым ты ещё вчера пила чай и шутила, кто-то хотел расстрелять прямо перед воротами родного дома. От страха засосало под ложечкой и кожа покрылась мурашками. Хотелось только одного – броситься домой, укрыться за железными воротами, за тяжёлыми створками дверей, за сильной спиной Джонатана и забыть весь этот кошмар раз и навсегда. Я даже поморгала, чтобы удостовериться, что происходящее не сон. Но Гарри продолжал свой

рассказ, и значит мне ничего не приснилось: «Ольга, слушай, как ты думаешь, кому нужно было убивать Питера?». Можно подумать, я не думала об этом и сама. Только ничего путного на ум не шло как на зло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.